

Детектив-любитель Надежда Лебедева

Наталья Александрова

Соколиная охота

«Автор»

2007

Александрова Н. Н.

Соколиная охота / Н. Н. Александрова — «Автор»,
2007 — (Детектив-любитель Надежда Лебедева)

Криминальный авторитет по кличке Кабаныч и элегантный господин по фамилии Загряжский назначили «стрелку» в китайском ресторане. Что у них общего? Ответ: день смерти. Из ресторана обоих доставили в морг. Туда они унесли тайну своей встречи. Надежда Лебедева, детектив-любитель с большим стажем, оказалась в больнице с переломом ноги. Ночами не спалось, а окно палаты выходило прямо на морг, где разворачивались очень интересные события... Надежда стала обладателем ключа к большой тайне. Когда же ее соседку по больничной палате похитили неизвестные, Лебедева поняла, что не может оставаться в стороне...

© Александрова Н. Н., 2007

© Автор, 2007

Наталья Александрова

Соколиная охота

Мобильный телефон задрожал в лихорадке вибровызова, передавая владельцу нервное возбуждение.

Мужчина поднес трубку к уху и услышал то, чего давно уже ждал: «Готовность номер один!»

Трехчасовое ожидание в пустующем цеху подходило к концу.

На асфальтовой площадке, усыпанной строительным мусором и ржавеющими деталями комбайнов, показалась темно-зеленая «Тойота». Машина остановилась, из нее вышел высокий человек средних лет.

Черное длинное пальто и седые виски придавали ему солидную импозантность.

Мужчина в окне цеха включил видеокамеру, дал максимальное увеличение, чтобы как следует разглядеть лицо приехавшего, хотя он и так знал, кто это.

Уже несколько дней в три смены за этим человеком вели наблюдение, и наконец оно увенчалось успехом.

Вчера они проследили объект до этого полузаброшенного завода сельскохозяйственных машин и оставили здесь пост. И вот наконец Квадрат, как они в своих зашифрованных переговорах называли объект наблюдения, импозантного мужчину с седыми висками, пришел в расставленную для него ловушку. Теперь требовалось предельное внимание.

Наблюдатель следил за каждым движением Квадрата и одновременно снимал его на видеокамеру.

Вот он подошел к самой обыкновенной с виду стене складского помещения, провел по ней рукой и открыл незаметную со стороны крышку, под которой оказалась клавиатура кодового замка. Непроизвольно оглянувшись, Квадрат пробежал пальцами по клавиатуре, и часть грязной обшарпанной стены отъехала в сторону, открыв проход внутрь здания.

Квадрат шагнул внутрь, и стена за ним закрылась.

«Просто тысяча и одна ночь, – подумал наблюдатель, – пещера Али-Бабы».

Прошло около десяти минут, и стена снова отъехала в сторону.

Мужчина с седыми висками вышел наружу, огляделся, дождался, пока вход в «пещеру Али-Бабы» закроется, сел в «Тойоту» и уехал.

Наблюдатель достал из нагрудного кармана мобильный телефон, вызвал Центр и сообщил:

– Квадрат растаял. Перехожу к фазе два.

Получив подтверждение, он подхватил чемоданчик с аппаратурой, видеокамеру и спустился во двор.

Здесь он нашел ту точку, где стоял Квадрат, открывая пульт управления, но, даже точно зная, где нужно искать, с большим трудом нащупал крышку.

Сняв ее и открыв клавиатуру, он достал из чемоданчика плоский черный ящичек декодирующего устройства, приложил его к пульта и включил рабочий режим. Прибор коротко загудел и тут же замолк: расшифровка простейшего кода занимала у него долю секунды.

Замаскированная дверь отъехала в сторону. Мужчина вошел в «пещеру Али-Бабы». Таймер отсчитал пять секунд, и стена с тихим шорохом встала на место.

Через секунду в помещении вспыхнул свет.

Бункер оказался небольшим помещением с голыми бетонными стенами и полом. Внутри стояло несколько металлических стеллажей, на них были сложены стопками картонные и пластиковые папки, коробки с дискетами и детали неизвестных устройств.

Мужчина задумчиво огляделся. Можно было очень долго перерывать содержимое стеллажей, но интуиция подсказывала ему, что вряд ли среди этих папок лежит то, что он искал.

На дальней от входа стене был приклеен полосками скотча фотокалендарь с изображением полуголой красотки. Движимый все той же интуицией, мужчина отклеил календарь от стены. Под глянцевым листом оказался кодовый замок, на этот раз гораздо более сложный, чем перед входом в бункер. Подключив к замку декодирующее устройство, он запустил его и приготовился ждать.

Черный ящичек загудел, на его дисплее замелькали, сменяя друг друга, ряды светящихся цифр.

Несколько минут прошло в напряженном ожидании, и наконец цепочка цифр застыла, послышался щелчок, и раскрылась дверца замаскированного сейфа. Мужчина заглянул внутрь.

В сейфе лежали пистолет «беретта», пачка денег и картонная коробка из-под бумаги для ксеркса.

Не обращая внимания на оружие и деньги, мужчина достал из сейфа коробку. Внутри ее оказались три компьютерных компакт-диска и пластиковая папка с документами.

На папке были напечатаны два слова: «Серебряный сокол».

Мужчина облегченно вздохнул: он сделал свое дело.

Положив папку и диски в чемоданчик, он закрыл сейф и повесил на место календарь. Собственно, в этом уже не было смысла, но им руководила выработанная годами секретной работы аккуратность и стремление оставить все таким, каким оно было до его прихода, попросту говоря, стремление не оставлять следов своего посещения.

Собрав инструменты и еще раз оглядевшись, он увидел перед выходом из бункера две кнопки. Одна из них должна была приводить в действие механизм дверей, вторая вполне могла быть ловушкой и включать взрывное устройство или еще какой-нибудь смертоносный сюрприз для нежеланного гостя.

Приподнявшись на цыпочки, мужчина внимательно осмотрел обе кнопки вблизи, под небольшим углом. Боковое освещение от укрепленных под потолком бункера ламп дневного света позволило ему тщательно разглядеть поверхность кнопок. Одна из них была покрыта тонким слоем пыли, на второй пыли не было, значит, ею пользовались совсем недавно.

Мужчина нажал на эту кнопку и непроизвольно задержал дыхание.

Свет в бункере погас. В течение нескольких секунд ничего не происходило, и он почувствовал капли пота, сползающие по лицу. Вдруг эта кнопка тоже ловушка, и сейчас бункер медленно заполняется смертоносным газом?

Но неожиданно в темноте послышалось негромкое гудение мотора, дверь отъехала в сторону, и в открытый проем хлынул солнечный свет.

Переведя дыхание, мужчина шагнул наружу, и грязный заводской двор показался ему удивительно приятным местом. Он поставил чемоданчик на землю, достал из кармана мобильный телефон, вызвал Центр и сообщил:

– Цель у меня. Осложнений нет. Можно переходить к фазе три.

– Молодец, Алеша! – послышался позади чуть хрипловатый голос. – Отлично сработано!

Мужчина схватился за оружие и резко повернулся.

У него за спиной стоял высокий человек лет сорока, подтянутый и спортивный.

– Это вы, шеф? – удивленно воскликнул вышедший из бункера человек, слегка щурясь: его глаза еще не привыкли к яркому солнечному свету. – Но ведь по плану операции...

– План операции изменился, – сказал шеф и, не вынимая руки из кармана, выстрелил в своего подчиненного.

Выстрел прозвучал негромко, будто открыли бутылку шампанского. В глазах Алексея, сменяя друг друга, вспыхнули удивление, вопрос, обида, ужас.

* * *

В это время дня в кафе «Янцзы» было немногочисленно. Постоянные посетители – персонал расположенных рядом агентства недвижимости и крупной компьютерной фирмы – уже отобедали, а компании, которые заказывают столики на вечер, еще не начали собираться.

В дальнем углу зала под китайской картинкой с изображением яркого петуха мама с дочкой лакомились фруктами в карамели, окуная кусочки горячего ананаса в чашку с холодной водой, да пышная девица с яркими глупыми глазами и румянцем во всю щеку устала весь стол тарелками китайских деликатесов и размышляла, с чего начать.

Открылась входная дверь, и в кафе вошли мужчина и женщина, старательно показывающие всем своим видом, что они не вместе. Женщина – молодая, очень подтянутая, спортивная, хорошо одетая; мужчина – гораздо старше, хотя далеко еще не старик: красивое породистое лицо, капризный рот, седые виски.

Лариса, опытная официантка, которую профессия сделала физиономистом, поспорила бы на месячную зарплату, что эти двое – любовники. Но они сели в разных концах зала и делали вид, что незнакомы.

«Тогда уж и пришли бы в разное время!» – подумала Лариса.

Заинтригованная, она подошла к мужчине. Он заказал бутылку минеральной воды и сказал, что дождется друга, тогда и сделает настоящий заказ. Девица попросила кофе. Для этого не нужно идти в китайский ресторан. Впрочем, это ее дело, клиент всегда прав.

Мужчина потягивал свою минералку, краснощекая красotka приступила к утке с имбирем, мамаша с дочкой закончили десерт и попросили счет. В это время дверь распахнулась, как от порыва ветра, и в зал вошли типичные «быки» – охранники. Кожаные куртки, казалось, едва не лопались на бицепсах. Охранники оглядели посетителей, придержали дверь и пропустили своего шефа – толстого курчавого брюнета лет пятидесяти с заплывшими жиром глазами и тройным подбородком. Толстяк прошел к столу мужчины с седыми висками, один из охранников отодвинул стул, помог ему сесть. Толстяк мигнул, и охранники сели за один из столиков в стороне, внимательно оглядывая пустой зал.

Впрочем, увидев краснощекую девицу, они в основном устали на нее.

«Вот ведь корова, – подумала Лариса, – ест все, что угодно. О фигуре нисколько не думает, а мужики на нее пялятся. Ну ничего, это только по молодости, к тридцати потускнеешь, душечка!»

Лариса подошла к столу, за которым двое мужчин явно вели деловой разговор. При ее приближении они замолчали, толстяк настороженно посмотрел и недовольно пробурчал:

– Попозже, дай поговорить!

Потом взглянул на кого-то за ее спиной и сказал:

– Спокойно, Геша, спокойно.

Лариса оглянулась и вздрогнула: один из «быков», широкоплечий парень с курносой веснушчатой физиономией, стоял у нее за спиной, держа в руке огромный черный пистолет. Услышав приказ шефа, он вздохнул, вернулся за свой столик и вновь стал смотреть на румяную девицу, которая перешла уже к судачу в лимонном соусе.

Лариса отошла к двери в кухню, оглядывая зал и следя, не нужно ли чего-нибудь посетителям.

Снова открылась дверь, и появилась еще одна девушка – высокая, худощавая, в свободном светлом плаще. Лариса забеспокоилась: ей не понравились глаза новой посетительницы. Она не могла бы сказать, что именно было не так в этих глазах, но они не нравились ей. Лариса двинулась было навстречу девушке в плаще, но почему-то передумала и вернулась.

А эта девица дошла до середины зала и неожиданно распахнула плащ.

В ту же секунду в зале наступил конец света. В руках девицы оказался короткий черный автомат, и она открыла из него огонь сначала по телохранителям курчавого толстяка, а потом по нему самому и его собеседнику. Веснушчатый громила вскочил и попробовал вытащить свой пистолет, хотя его грудь уже пересекала цепочка темных дымящихся отверстий, но девица хлестнула по нему еще одной очередью, и «бык» рухнул на стол, стащив с него скатерть и залив все вокруг темно-красным. Толстый хозяин осел, выпустив изо рта кровавый пузырь, затем дернулся всем телом и опрокинулся вместе со стулом на спину, дрыгая короткими ногами и истошно крича. Получив еще один выстрел, он затих. Его собеседник умер так же красиво, как жил: охнул и откинулся на спинку стула, как будто задумался о смысле жизни, и только черная дыра посредине лба портила его интеллигентный облик.

Закончив свою работу, девица в плаще бросила автомат на пол и спокойным деловым шагом направилась к дверям. Когда она проходила мимо столика румяной красотицы, та взвизгнула, вскочила, но тут же споткнулась и упала, опрокинув на себя стол со всеми недоеденными деликатесами.

Лариса услышала чей-то визг и вдруг поняла, что визжит она сама. Мамаша, которая в гардеробе помогала своей дочке застегнуть узкую черную курточку, застыла, бледная как смерть, заслоняя собой девочку.

Девица-киллерша окинула кафе равнодушным взглядом и исчезла из него навсегда.

Из кухни появился наконец Василий Васильевич, как называл персонал кафе хозяина-китайца, произнести настоящее имя которого русскому человеку не под силу.

Василий Васильевич оглядел зал. По его невозмутимому лицу никогда нельзя было понять, что он думает. Взглянув на Ларису, он распорядился:

– Консяй виззять! Милиция визивай, «Скорая помоси» визивай.

– «Скорую» – то для кого? – растерянно спросила Лариса. – Мертвые они все.

– Не все, – возразил хозяин, – вот для та дамочка «Скорая помоси» визивай. – Он указал на краснощеку красотицы, которая, уже не такая румяная, как прежде, сидела на полу вся в мидиях и соевом соусе и, размеренно охая, держалась за левую ногу.

* * *

Надежда Николаевна Лебедева отвернулась к стене и накрылась с головой одеялом. Весь мир ополчился против нее, и настроение от этого было отвратительным. Она в который раз стала перечислять в уме все неприятности, происшедшие с ней за последние полтора месяца.

Начать с того, что сорок шесть дней назад, пятого марта, в субботу, она уговорила своего мужа Сан Саныча покататься на лыжах. Причем уговаривала долго, потому что Сан Саныч, обычно легкий на подъем, в этот раз что-то засомневался и сказал, что хотел бы провести выходной дома, в тепле. Надежда же руководствовалась двумя причинами. Во-первых, зима близилась к концу, и почему бы в последний раз не насладиться лыжной прогулкой, а во-вторых, она опасалась, что если муж будет дома, то его вызвонят по телефону по какому-нибудь срочному делу, как уже бывало не раз, и тогда – прощай выходной!

Не иначе, как в тот день в Надежду вселился бес, который и руководил всеми ее поступками. Вместо того чтобы тихо-мирно прокатиться по лыжне вокруг озера, ее понесло на гору. Сан Саныч пробовал протестовать, но смирился.

На горе было много народу. И вот, когда Надежда Николаевна лихо съехала с не очень крутой горки и приветственно махала палкой своему мужу наверх, какая-то корова в розовом адидасовском костюме не смогла затормозить и впилилась в нее со всего маху.

От удара лыжей по ноге Надежда упала, ботинок запутался в креплении, да еще вес у коровы был даже не коровий, а слоновый. В общем, последнее, что услышала Надежда, был

треск, как будто рвется крепкая материя. Треск заглушил ее собственный крик, и Надежда потеряла сознание.

Очнулась она очень скоро от того, что муж сильно хлопал ее по щекам. Вокруг столпились люди, кто-то освободил ее ногу от креплений, кто-то протягивал термос с горячим чаем. Нога у Надежды не болела, просто ничего не чувствовала. Нашелся среди окружающих медик, который приблизительно определил перелом голени, и муж коровы вызвался отвезти Надежду в больницу – у него оказалась неподалеку машина.

Обиднее всего было то, что сама розовая корова ничего себе не сломала – даже лыжи у нее оказались целы. Она тихонько стояла в стороне и виновато молчала.

Отзывчивые лыжники помогли погрузить пострадавшую в машину и вернулись на гору. Надежда по дороге в больницу жутко злилась, причем злость ее усугублялась тем, что злиться, собственно, можно было только на себя. Муж вел себя спокойно, не ахал, не рвал на себе волосы и не воздевал руки к небу, восклицая: «Ах, на кого же ты меня оставляешь?», и Надежда окончательно обиделась. Нога в машине начала болеть, и в приемном покое больницы подтвердились худшие Надеждины опасения – не растяжение, не трещина, а самый настоящий перелом. Хирург, преступно молодой, на взгляд Надежды, наложил гипс, да еще и присовокупил, мерзавец, что заживать нога будет долго, а принимая во внимание возраст больной, он вообще не может гарантировать правильного срастания кости. Представив себя неразлучной с костылем до конца дней своих и возмущившись ссылкой на возраст, Надежда просто задохнулась от злости, но сил на достойный ответ наглому мальчишке-хирургу уже не осталось.

Дальше наступил краткий период понижения неприятностей, ибо Надежду в гипсе выдали мужу, и он отвез ее домой, причем вел себя благородно и не кидал по дороге фразы типа: «Я же предупреждал, что так будет!» или «Если бы ты хоть изредка слушалась мужа, с тобой ничего бы не случилось...».

Три недели Надежда провела в четырех стенах в обществе кота Бейсика, поскольку муж, как обычно, много работал и приходил поздно. И вот когда она окончательно озверела, в поликлинике сняли гипс и сообщили ей, что тот мальчишка-хирург как в воду глядел: нога не то вообще не срослась, не то срослась, но не правильно, а уж кто в этом виноват – возраст или неопытный хирург, – они в поликлинике, если бы и знали, все равно не сказали – честь мундира, сами понимаете. Надежда ничего не хотела понимать, кроме того, что ногу опять придется гипсовать, и это вызвало у нее приступ почти буйного помешательства. Врач в поликлинике испугался и направил ее на консультацию к профессору, а тот дал направление в больницу. Муж проявил строгость и почти силой положил Надежду в отделение травматологии. Ногу долго просвечивали рентгеном, потом снова загипсовали. Ходить Надежда с трудом, но могла – гипс был очень аккуратным. Персонал в отделении подобрался незлобный, лечащий врач Надежде симпатизировал, но вот соседи...

Палата оказалась трехместной, и, когда Надежда вошла и поздоровалась, ей указали место у окна – никто не хотел занимать ту кровать. Надежда легла и поняла почему – из небольшого узкого окошка ужасно дуло, кроме того, окно выходило прямехонько на больничный морг. Соседка справа представилась: «Сырникова, Лора Михайловна» – и поглядела на Надежду подозрительными, близко посаженными глазами.

Соседкой слева оказалась здоровенная бабища – многодетная мать семейства, как узнала потом Надежда. Ее навещала семья – муж и три сына, все очень похожие друг на друга: толстые, с круглыми лобастыми головами. Фамилия у них была соответствующая – Поросянки. Мама Поросянке залезла на стул, чтобы снять со шкафа кухонный комбайн, стул не выдержал ее веса и подломился. Она упала и сломала руку. Сырникову сбила машина, сломав ей три ребра и лодыжку, и она бесконечно рассказывала в палате, как ляжет костыми, но засудит водителя на самый большой срок.

Поросенке поглощала множество домашней еды, обильно сдобренной чесноком, и ночью оглушительно храпела. Сырникова пробовала цепляться к ней, но та не реагировала, и тогда вредная баба стала изводить Надежду. Нервы у Надежда Николаевны были не в лучшем состоянии, организм ослаблен длительным нахождением без воздуха и весенним авитаминозом, поэтому Надежда, сама себе удивляясь, очень болезненно реагировала на мелкие склоки и придирки.

Вот и сейчас Сырникова, хитро поглядывая на Надежду, начала рассказывать длинную историю о том, как одна ее знакомая вот точно так же сломала голень, и точно так же нога не хотела срастаться, и ломали ее три раза, после чего знакомая так и осталась на костылях, да еще и муж ушел к молоденькой медсестре.

Надежда отвернулась к стене и делала вид, что дремлет. Сырникова замолчала, не имея слушателей.

Надежда немного успокоилась и сказала себе, что полоса неудач должна же когда-нибудь кончиться. Судя по всему, это случится довольно скоро, потому что доктор вчера сказал ей, что нога заживает правильно и через несколько дней можно будет снять гипс. Вскоре обещают выписать Поросенке и, даст бог, положат кого-нибудь, кто не станет так ужасно храпеть ночами.

Сырникову хорошо бы, конечно, придушить ночью подушкой, но неохота связываться, поэтому надо просто не разговаривать с ней. Или же можно придумать более утонченную месть. Надежда давно прознала, что Сырникову зовут вовсе не Лора, как она представилась вначале, а Велора, что означает Великая Октябрьская революция. Сырникова очень не любит свое имя, так Надежда нарочно будет ее так называть.

С середины апреля наступила чудесная погода, и Надежда очень довольна, что лежит у окна: можно приоткрыть щелочку и дышать свежим ночным воздухом.

Днем Сырникова не разрешает, ей, видите ли, дует.

К серому кубику морга Надежда уже привыкла и совершенно не реагировала на скорбные группы ожидающих своего покойника родственников и сослуживцев.

Кроме всего, был и еще один факт, который несколько примирял ее с нынешним положением вещей. В марте у Надежды Николаевны был день рождения, и в этом году как раз подступил ненавистный пятидесятилетний юбилей. Надежда заранее с ужасом представляла себе это событие – как сотрудники на работе подарят какой-нибудь сервиз или переносной телевизор, как начальство будет официально поздравлять и зачитывать адрес от дирекции, как мужчины будут смотреть равнодушно, а женщины – с неприкрытым злорадством. И все будут знать, что ей исполнилось пятьдесят лет. После такого юбилея выход один – вешаться.

И вот благодаря перелому юбилей удалось замотать. Как говорится, нет худа без добра!

Надежда осторожно высунула голову из-под одеяла. Анна Поросенко спала, посапывая, – храпела она только ночью. Сырникова, привычно призывая кары небесные на голову сбившего ее водителя, прижав руку к сломанным ребрам, поднималась с кровати, чтобы идти смотреть телевизор в холле. Надежда приободрилась и достала из тумбочки детектив.

Час прошел спокойно, а перед ужином Сырникова вернулась в комнату с сияющими глазами.

– Сейчас по телевизору передавали: перестрелка в китайском ресторане! – выпалила она. – Четыре трупа, и еще есть жертвы!

– Какой ресторан? – деловито спросила проснувшаяся Поросенке.

Она работала бухгалтером в оптовой фирме, поставляющей продукты, и знала все предприятия общественного питания в своем районе.

– Кафе «Янцзы», тут недалеко, всего в трех кварталах! – захлебывалась Сырникова, она обожала смотреть криминальные новости со смертельным исходом.

Надежда вздохнула и убрала книгу в тумбочку.

– Опять мафиозные разборки! – авторитетно заявила Сырникова.

– И мирные люди пострадали? – не удержалась от вопроса Надежда.

– Нечего средь бела дня по ресторанам шастать! – припечатала Сырникова, и Надежда снова отвернулась к стене.

Сырникова еще пару раз смоталась к телевизору, но больные смотрели сериал про латиноамериканскую любовь и на новости переключить не позволили.

Зато утром перед завтраком в палату явилась уборщица тетя Дуня и рассказала, что всех пострадавших в китайской заварушке отправили в их больницу, кого – в отделение, а кого, сами понимаете, в морг. Сведения, поступившие от тети Дуни, были почти что из первых рук, поскольку она находилась в дружественных отношениях со сторожем морга.

По наблюдению Надежды, тетя Дуня и сторож дружили не вдвоем, а втроем – третьей была бутылка. Но этот факт дела не менял – сведения были верными.

– Четверо их, – рассказывала тетя Дуня, – все насквозь простреленные. Парни, что привезли их, говорят – кровищи в ресторане, как на бойне! Девки-официантки от страха все упились, один хозяин как огурчик, все ему нипочем.

– Китайцы живучие! – поддержала разговор Поросенко. – Что ему, косоглазому, сделается?

– А положила их всех баба! – торжественно выдала тетя Дуня.

– Не может быть!

– Вот те крест! Пришла, постреляла всех и ушла!

– А в живых-то кто-то остался? – полюбопытствовала Надежда. – Раненых много?

– Я про живых ничего не знаю! – ответила тетя Дуня. – Вот про покойников я тебе все точно скажу: один был там сильно крутой, при нем два бугая-телохранителя, их первых положили. Потом еще один мужик, который рядом был.

– Ужас какой! – вздохнула Поросенке.

– Не говори, девонька! – подхватила тетя Дуня. – И кому мы в смерти будем нужны? После смерти все одинаковые. Бедный ли, богатый, хозяин или холуй – все рядышком в морге лежат, в одном холодильнике...

Пришла сестра-хозяйка и вызвала тетю Дуню, а обитатели палаты занялись утренним туалетом в ожидании врача. После обхода Надежду услали на процедуры, а когда она вернулась, то застала в палате крик и оживление. Низенький мужичок в ватнике под присмотром сестры-хозяйки выносил из палаты тумбочку и столик.

– Не имеете права! – надрывалась Сырникова. – Я буду жаловаться главврачу!

– И так обойдетесь, не баре! – отлаивалась сестра-хозяйка.

Надежда тихонько осведомилась у Поросенке, что случилось, и получила ответ, что к ним подселяют четвертого человека, а чтобы поместилась кровать, нужно вынести тумбочку.

– И так невозможно спать от духоты! – орала Сырникова.

– Окно откройте! – невозмутимо отвечала сестра.

– Тогда дует!

– Здесь вам больница, а не курорт! – припечатала сестра и вышла из палаты, одержав полную победу в споре.

Надежда пожала плечами и согласилась: действительно, не курорт.

Принесли кровать, а для этого пришлось сдвинуть Сырникову ближе к двери. Потом тетя Дуня шлепнула на кровать продавленный матрас и белье, серое от частых стирок, после чего два студента приволокли в палату крупную девицу с загипсованной левой ногой и с превеликой осторожностью опустили ее на кровать.

Вообще парни что-то слишком суетились, и Надежда вскоре поняла почему. Девица устроилась на кровати поудобнее, обвела всех темными коровьими глазами и глубоко вздохнула:

– О-ох!

Несмотря на сломанную ногу, от девицы просто веяло здоровьем и жизненной силой. Кожа у нее была гладкая, зубы белые без всякого «Орбита», густые темные волосы наспех скоты узлом. От вдоха грудь ее приподнялась, и Надежда вспомнила монолог артистки Дорожиной из одного старого фильма:

«У меня был медальон. Так он у меня не висел, он лежал горизонтально...»

Медальона у девицы не было, но в том, что он может лежать на такой груди горизонтально, можно было не сомневаться. Одним словом, от новой соседки по палате распространялась такая естественная, природная сексапильность, что в палате сразу стало ощутимо теснее.

Сырникова, разглядев девицу, издала разъяренное шипение, но пока промолчала.

Весь день в их палату совершалось нашествие мужчин.

Поглядеть на девицу – ее звали Любой – шли все: студенты и ординаторы, практиканты и хирурги из соседнего отделения, солидные немолодые врачи с курсов повышения квалификации, анестезиолог Алексей Федорович и даже больничный кот Скальпель.

Любка валялась на кровати в распахнутом халате, непрерывно что-то жевала и улыбалась всем визитерам одинаковой белозубой улыбкой.

К концу дня Надежда всерьез начала опасаться за здоровье Сырниковой, потому что та зеленела на глазах. К вечеру, когда в палате стало посвободнее, разразился скандал.

– И чего это тебя к нам подселили, – шипела Сырникова, – что ты за птица такая?

– Потому что мне нужен покой, – невозмутимо ответила Любка, – а там палата – десять человек, кто храпит, кто во сне кричит, ночью спать мешают.

– Относительно храпа, – вполголоса заметила Надежда и показала глазами на Поросятку, – не удивляйся ночью.

– Мне, может, тоже покой нужен, – не унималась Сырникова, – а теперь, по твоей милости, я у двери на сквозняке лежу! Вот напишу завтра главному заявление – тебя вообще в коридор выселят!

– Ага, разбежалась, – насмешливо проговорила Любка, – как бы тебе самой в сортире не оказаться. Юрику только попросить – они все сделают.

– И кто же такой Юрик? – любопытствовала Поросятка.

– Хахаль мой! – ничуть не смутившись, ответила Любка и показала маленький мобильный телефон. – Сказал: если что не так – сразу звонить ему, он завтра приедет, разберется. Вот, кстати, нужно сообщить, что в другую палату меня перевели.

Она набрала номер и пропела в трубку:

– Майора Голубца попросите, пожалуйста! Ах, домой ушел? Нет, ничего не передавайте, я завтра позвоню.

– Что ж ты ему домой не перезвонишь? – ехидно спросила Сырникова.

– Домой нельзя, – простодушно ответила Любка, – у него дома жена и теща...

– Ах, вот как? Ты, значит, у него в любовницах состоишь?

– А вам-то что? – хором удивились Надежда с Любкой.

– А то, что всякая шалава будет меня к двери двигать! – заорала Сырникова.

– Иди ты в задницу! – спокойно ответила Любка и полезла в тумбочку за шоколадным печеньем.

Сырникова по указанному адресу не пошла, но примолкла, и инцидент на некоторое время был исчерпан.

Поздно ночью Надежда привычно проснулась от храпа Поросятки. Любка сидела на кровати в одной тонкой рубашке, чуть не лопающейся на груди, и тосковала.

– Она так постоянно? – шепотом произнесла Любка, хотя можно было орать, как в лесу – все заглушал мощный храп, по тембру напоминавший рокот мотора военного вертолета.

– Как тебе сказать... – задумалась Надежда. – Иногда повернется на бок и замолчит.

– Ужас какой! И зачем меня сюда перевели?

– Ее скоро выпишут, – утешила Надежда.

– Черт, спать расхотелось, – протянула Любка. – Пойдемте, Надежда Николаевна, покурим, что ли...

– Курить нельзя, – вздохнула Надежда, – и спиртного нельзя, а то перелом не срастется.

– А мы никому не скажем, – предложила Любка.

Убежденная такой необычной логикой, Надежда немедленно согласилась. Они поднялись, накинули халаты и пошли по коридору, поддерживая друг друга, потому что ноги у обеих были в гипсе: у Любки – левая, а у Надежды – правая.

– Пара хромых, запряженных зарею... – ворчала Надежда на ходу. – Ну и зрелище мы с тобой представляем!

Они чудно поболтали за сигареткой, Любка рассказала, что приехала год назад с Западной Украины. Там нет работы и русских, как и везде, кроме России, не больно-то любят. Жил с ней один начальник, но жена у него попалась уж больно несговорчивая, прямо ведьма. Грозилась Любке в лицо кислотой плеснуть.

Любка не захотела рисковать, собрала чемодан, да и дала деру. А здесь у нее никого нет, так что пришлось вначале к черному в ларек сесть. После уж нашла работу в магазине парфюмерном, но там тоже у директора жена сердитая попалась, вопрос ребром поставила: или Любка увольняется, или она свою долю магазина продает – они с мужем совладельцами были. Только Любка приуныла, как тут кстати магазин ограбили.

Так они с Юриком познакомились.

– Кто он, этот твой Юрик?

– Майор милиции, он как раз по вызову приезжал.

Юрик меня из того магазина забрал, квартиру мне снимает, с работой обещал помочь, заботится, в общем...

– Ну и ладно, – примирительно сказала Надежда, – раз заботится. А как же ты сюда-то попала?

– Долго рассказывать. – Любка зевнула во весь рот. – Как-нибудь в другой раз расскажу.

* * *

Накануне вечером возле входа в китайский ресторан «Янцзы» остановился малиновый джип «Чероки», из него выпрыгнули двое коротко стриженных парней. Один из них – очень крупный, плечистый, накачанный до предела – подошел к дверям и нажал на кнопку звонка. В ресторане было закрыто по причине вчерашней перестрелки. Официантки отмывали зал от крови, хозяин-китаец подсчитывал убытки, повар на всякий случай держал наготове два-три блюда для усиленно посещающей в последнее время ресторан милицейской братии.

Не дождавшись ответа, парень постучал в дверь мощным кулаком. В ресторане видели и джип, и бойцов. Василий Васильевич понял, что прибыли по его душу, тяжело вздохнул и сам пошел открывать.

Вошли трое: двое охранников и старший – горбоносый черноволосый мужик средних лет, из южных народов, как определила выглянувшая из подсобки официантка Лариса.

Самый здоровый – точная копия охранника Геши, которого застрелили позавчера вместе с хозяином, – злобно пнул ногой стул, отодвинул стол и споткнулся о ведро с грязной водой. Вода выплеснулась и запачкала бандиту брюки. От этого он еще больше разозлился и начал было крушить все подряд – изорвал красивую картинку с петухом, висевшую на стене, опрокинул пару столов и направился уже к стойке бара, чтобы перебить там бутылки с напитками.

– Мальсики, мальсики! – Хозяин-китаец попробовал урезонить незваных гостей. – Не надо сум, не надо скандал! У меня крыса есть...

– Ты че мелешь, косоглазый! – рявкнул на Васильича толстый рослый «бык». – Какая еще крыса? Ты че – крысами русский народ кормишь? Сам жри свою крысятину!

– Моя крыса – нельзя скушать, моя крыса – Гена Суруп...

– Василий Васильевич говорит, – вступила в разговор Лариса, – что у нас «крыша» есть, Гена Шуруп...

– А мне что крыса, что «крыша» твоя, задница азиатская! Ты сперва по-русски научись говорить! – Толстый попер на китайца и схватил его за лицо своей волосатой пятерней.

Китаец все с тем же жалким и безобидным видом неожиданно юрко вывернулся из-под руки толстяка, крутанулся на одном месте, схватив «быка» за кисть, и тот с удивленным криком отлетел в угол и грохнулся на пол. При его падении раздался грохот, как от удара о землю Тунгусского метеорита, и стаканы на стойке бара жалобно звякнули.

– Ну ты, морда косоглазая! – кинулся к Васильичу второй мордovorot, повыше и похуже. – Ты что это себе позволяешь? Да я сейчас твою башку китайскую оторву и в унитаз спущу!

– Мальсики, мальсики, не надо драться! – Китаец с преувеличенным испугом отступил перед бандитом и вдруг молниеносно скользнул в сторону, подсек его правую ногу, а затем резко ударил сзади по шее ребром ладони. Боевик чуть слышно охнул и упал вниз лицом как подкошенный.

– Браво, браво! – Поджарый кавказец, явно главный среди незваных гостей, стоял ухмыляясь и хлопал в ладоши, ехидно посматривая на стонущих и пытающихся подняться «быков». – Большое вам спасибо, Василий Васильевич, вы очень убедительно показали моим пижонам две вещи. Во-первых, что нельзя недооценивать противника, делая выводы по его внешнему виду, и, во-вторых, что нужно тренироваться каждый день. Я бы вас, любезный, пригласил к себе инструктором по рукопашному бою, да боюсь, что вам некогда. Ресторан много времени отнимает. А если мы здесь устроим беспорядок, столы поломаем, посуду перебьем... чисто случайно, конечно, то времени потребуется еще больше. Я очень уважаю ваш молодой не по возрасту задор и вашу восточную невозмутимость, но вы же понимаете, что против лома нет приема и если мы сильно рассердимся, то никакое ваше кун-фу не поможет. А что касается этого Гены Шурупа, то вы его совершенно правильно охарактеризовали: Гена не «крыша», а крыса, причем крыса мелкая.

Китаец стоял все в той же позе полного смирения.

Толстый «бык» наконец поднялся на ноги и снова двинулся на Василия Васильевича, но брюнет одернул его, прикрикнув:

– Вовчик, незачем дважды наступать на одни и те же грабли! Дай нам поговорить с нашим китайским другом.

– Дух! – повернулся Вовчик к старшему. – Разреши, я ему набью морду косоглазую! У меня на него душа горит!

– Успокойся, Вовчик, я тебе ясно сказал! И ничего ты ему не набьешь, старик сделает тебя в одни ворота, угомонись!

Вовчик неохотно отошел в сторону, а кавказец осторожно приблизился к хозяину ресторана и продолжил:

– Отец, мы на вас не в обиде, только я попрошу: расскажите, что за человек встречался вчера с нашим покойным боссом.

– Это – толстая, жилная, челная? – осведомился китаец.

– Отец, ну зачем вы так неуважительно... о покойнике, – ухмыльнулся Дух. – Ну, скажем так: наш покойный босс действительно был человек породный, брюнет, как и мы с вами... короче, нас очень интересует, с кем он здесь встречался.

– Он же вас хозяина, – невозмутимо проговорил китаец, – лазве он вам не говолил, с кем встлечается?

– Он хозяин, а не сямка, с чего бы ему все рассказывать? Ты вон девчонкам своим, – Дух мотнул головой на официанток, испуганно жмущихся к стене, – много рассказываешь? А он большой человек был, не чета тебе!

– Я плохо их видел, – китаец опять сжался и сгорбился, всячески подчеркивая свою немощь и ничтожность, – вот Лалиса их холосо видела, у Лалисы глаза холосые, память холосая. Лалиса, ласскажи господину, сто видела.

Лариса кивнула, послушно отделилась от стены и заговорила:

– Ну, видела я его... пришел пораньше вашего хозяина, попросил минералки, заказывать больше ничего не стал, сказал: «Друга жду. Друг придет – тогда и закажем...» – а когда пришел этот, хозяин-то ваш, тоже ничего не заказали, так что, кроме битой посуды и неприятностей, ничего от них...

– Мадам, – прервал Ларису кавказец, – нас не интересуют ваши убытки и ваше разбитое сердце. Нас интересует, как он выглядел, что говорил...

– Ну как выглядел? Хорошо выглядел, интересный мужчина. Виски седоватые, видный такой... Вроде артиста или музыканта. На вашего брата совсем не похож, – Лариса окинула криминальную троицу осторожным недоброжелательным взглядом, – немножко на артиста Тихонова смахивает...

– На кого? – удивленно переспросил Вовчик.

– На Штирлица, деревня! – пояснил Дух. – Да, покойный Кабаныч с артистами дружбу не водил...

Вот с артистками – случалось... – Дух ухмыльнулся.

Лицо Вовчика перекошилось от немыслимого умственного напряжения.

– Типа, на Штирлица, говоришь, – протянул он, что-то мучительно припоминая.

Дух насторожился и встряхнул своего подчиненного:

– Что, Вовчик, ты этого Штирлица где-то видел?

Давай, вспоминай, шевели мозгами.

– Да я не знаю, может, в натуре, это и не то совсем...

– Ты расскажи, а я уж буду думать – то или не то.

– Да вот недели две назад шеф покойный послал меня с Гешей, тоже покойным, в аэропорт, типа, мужика одного встретить... типа, японца.

– Японца? – удивленно переспросил Дух. – Может, китайца? Ты что, Вовчик, японца от китайца отличить сможешь? Они же все на одно лицо, вот хоть Вас Ильича возьми...

Вовчик злобно покосился на хозяина ресторана и ответил:

– Говорю реально – японца! Это Геша сказал, и мы сперва за девчонкой заехали, которая, типа, по-японски, конкретно, тарактит. Специальная контора такая, где переводчиков нанимают. Там заранее договорились, а девчонка нас уже ждала.

– Девчонка переводила, Геша встречал, а тебя-то на фига послали? – поинтересовался Дух недоверчиво.

– Да за рулем я сидел, конкретно! – объяснил Вовчик. – Мы когда в аэропорт приехали, Геша с девчонкой пошли японца встречать с плакатиком, а я остался в машине, чтобы, типа, не угнали... да и вообще...

– С каким плакатиком? – поинтересовался Дух.

– Ну с каким... там, если кого встречают, типа, незнакомого, плакатик держат с его именем, Толян там или как... Вот и Геша взял плакатик... что-то там было написано вроде Хероси Нафигаси... В общем, типа того. Полчаса я посидел, они возвращаются, и с ними, реально, японец. По-своему, типа, тарактит, а девчонка, конкретно, все переводит. Ну я уж, типа, не помню, об чем базар был...

– Слушай, Вовчик, при чем тут японец? Ты же про Штирлица говорил.

– Ну ты слушай, Дух, не сбивай, я и так еле вспомнил! Я же к тому, конкретно, и веду! Отвез я их всех в гостиницу, там, видно, японец остался, спать там или что, у них же в Японии ночь, наверное, а Геша с девчонкой вышли. Геша девчонке и говорит: «Завтра, типа, будут переговоры, мы за вами заедем. А сейчас наш водитель отвезет вас куда надо...» В общем, я Гешу у метро высадил, а девчонку повез обратно в фирму, только не доехали мы. Она вдруг меня по руке, типа, хлопнула и говорит: «Остановитесь!» Я встал, она выскочила и подбежала к мужику. Вот этот самый мужик был на Штирлица здорово похож... и височки седые, как эта баба говорит.

– Ну и что девчонка?

– Конкретно, с этим Штирлицем базарила. Потом он ей сказал что-то, она на меня обернулась, и пошли в сторону... Ну а я к шефу поехал, натурально, чего мне ждать?

– Интересно, – задумчиво протянул Дух, – значит, эта девчонка-переводчица Штирлицу стучала, о чем с японцем говорили, и все такое... Прямо что твоя радистка Кэт... Ладно, разберемся, найдем ее через фирму. А ты мужика этого, Штирлица, хорошо запомнил?

– Да вроде помню. – Вовчик пожал плечами. – Этого, как его, склероза пока что нету.

– Тогда надо нам с тобой навестить его, посмотреть, тот или не тот.

– Ты что, Дух, в натуре, с катушек съехал? Как его навестить – он же, конкретно, помер? Его ведь заодно с шефом замочили!

Дух резко шагнул к Вовчику, схватил его за ворот рубахи и встряхнул, как нашкодившего щенка, так что у семипудового бандита клацнули зубы.

– Ты, падаль лагерная, фильтруй базар! Еще когда скажешь, что я с катушек съехал, – на месте замочу!

Сейчас только потому прощаю, что знаю: у тебя все от глупости. А в следующий раз дуростью не отмажешься!

После этого выпада Дух отпустил Вовчика, отступил на шаг и совершенно спокойным голосом пояснил:

– В морге мы навестим твоего Штирлица, в морге.

Он в том же самом лежит, где шеф наш покойный. Заодно и босса навестим, предпоследний, так сказать, долг.

После этой реплики Дух вспомнил о существовании Ларисы, резко повернулся к ней и рявкнул:

– Ну, красавица, говори, что еще запомнила? Вы, халдейки, бабы наблюдательные!

Лариса хотела было рассказать про девицу, которая пришла в ресторан одновременно со «Штирлицем» и, судя по всему, была с ним связана, но грубый напор Духа и его явное пренебрежительное хамство задела официантку, и она решила промолчать: зачем впутывать в эту криминальную историю невинную, может быть, женщину?

Однако Дух заметил мелькнувшую у нее в глазах неуверенность и прошипел:

– Ты что – играть со мной вздумала? Все, что знаешь, выкладывай! У тебя дети есть? Если не хочешь их в ящике получить, лучше не зли меня!

Лариса побледнела, отшатнулась от этого ужасного человека, подумала о своей Лизоньке и торопливо заговорила:

– С женщиной он пришел, вошли одновременно, делали вид, что незнакомы, а сами незаметно переглядывались... Ну и вообще, поверьте женскому взгляду – вместе они были.

Дух кивнул:

– Что за женщина? Опиши!

– Блондинка, лет двадцать семь, из себя ничего, интересная. Только уж очень высокая. И такая... как Никита в кино, вся на пружинах. Волосы длинные...

– Ну, красавица, у тебя все как в кино! – Дух криво усмехнулся. – Мужик – Штирлиц, девица – Никита... Отличная парочка. Больно много телевизор смотришь!

– А что мне еще делать? – огрызнулась Лариса. – Была бы богатая – в кино да в казино ходила бы, а так, всей радости – перед ящиком посидеть... Мужа нет, денег нет, да тут еще вы на мою голову...

– Ладно, не бойся, если все рассказала, не тронем.

А после стрельбы что с этой Никитой было? Это не она ногу-то сломала?

– Да нет, что вы, я же говорю – она такая ловкая!

А ногу сломала другая баба – молодая да толстая...

Столько еды набрала – вам троим не сожрать, а она хоть бы что... Если бы не стрельба эта – все бы умяла.

Но тут убийца эта, киллерша, мимо нее пошла. Она испугалась, на пол грохнулась и ногу себе сломала. Ее в больницу увезли, а та, которая с седым пришла, сбежала потихоньку... Я, пока очухалась, милицию да «Скорую» вызвала – смотрю, ее и след простыл...

– Ясно, – кивнул Дух. – Если еще что вспомнишь – позвони.

Он протянул официантке картонный прямоугольник с номером мобильного телефона и пошел к дверям, небрежно кивнув своему помятому воинству, чтобы двигали следом.

Жора Мирзоян по кличке Дух не был в криминальной империи покойного Кабаныча простым бригадиром, он занимал в ней один из ключевых постов, отвечая за вопросы безопасности. Поэтому убийство главаря в значительной степени ставили ему в вину, и только тем Дух сумел оправдаться, что Кабаныч никому, кроме двоих личных телохранителей, не сказал о намеченной встрече в китайском ресторане. Тем более Дух хотел лично разобраться в этой загадочной истории. Никому из людей Кабаныча не было ничего известно о человеке, погибшем вместе с боссом, о связывающих их двоих интересах, а теперь всплыл еще и какой-то японец.

Все это Жоре очень не нравилось. Шеф проворачивал какие-то дела, не посвящая в них братву и даже самого Духа – значит, шеф ему не доверял. Про японца знал только Геша, но Геша тоже убит.

Вообще, после смерти Кабаныча в группировке неизбежно должны были произойти большие перемены, и Жора не хотел остаться в стороне от пирога. Собственное его положение среди братвы было несколько неопределенным.

С одной стороны, его уважали и побаивались за крутой нрав, изредка накатывавшие на него вспышки ярости, когда он мог в одиночку наброситься на троих-четверых противников и раскидать их, как щенков.

Придавало ему вес и создавало некий романтический ореол прошлое: в молодости Жора неопытным солдатом воевал в Афганистане и попал в плен к душманам. Что он пережил в плену – Жора никому не рассказывал, но выбрался оттуда сам, став после этого совершенно другим человеком. Именно там приобрел Жора склонность к вспышкам ярости и кличку Дух.

Разговаривать об этом периоде своей жизни он ни с кем не хотел. Даже когда Кабаныч по пьянке пристал с расспросами, Жора злобно выругался и ушел, не побоявшись навлечь на себя гнев всесильного главаря.

С другой стороны, в подчиненной Кабанычу саратовской группировке кавказцев, кроме Жоры, не было, он стоял особняком, не имея среди братвы ни друзей, ни земляков, ни родичей. Многие посматривали на него косо, и ему постоянно приходилось кулаками, а то и ножом отстаивать свое место в бандитской иерархии.

Жора, от природы далеко не глупый, понимал, что в предстоящей дележке пирога его могут запросто затоптать, и, если он хочет выжить, нужно вскарабкаться на самый верх и первым расправиться со всеми конкурентами.

Свойственная ему волчья интуиция подсказывала Жоре Духу, что встреча покойного Кабаныча в китайском ресторане, обставленная такой секретностью и даже назначенная на чужой территории, была очень важна, и разгадка этой таинственной истории может дать ему

в руки козыри в борьбе за власть. Поэтому Жора лично отправился в ресторан, объясняя это тем, что должен найти убийцу шефа.

В действительности киллерша интересовала его гораздо меньше, чем таинственный партнер Кабаныча.

Жора специально взял с собой двоих на редкость тупых «быков», у которых не хватило бы мозгов разобраться в его частном расследовании и в случае удачи растрепать кому не следует о его результатах.

* * *

Надежда еще раз проснулась на рассвете. Поросенко уже не храпела, в палате было тихо, но невыносимо душно. Надежда осторожно, стараясь не скрипеть, села на кровати и приоткрыла окно. Пахнуло свежим ночным воздухом. Окно палаты, как уже говорилось, выходило на больничный морг, то есть видно было домик и входную дверь, а окна морга всегда замазывают серой краской, чтобы никто, не дай бог, не увидел, что там делают с покойниками. Между больничным корпусом и моргом росло несколько деревьев, а также пролегала народная тропа, которая вела от главного больничного корпуса к дырке в заборе: всем известно, что больничные ворота располагаются всегда очень неудобно по отношению к автобусной и трамвайной остановкам, поэтому посетители больницы давно уже выломали несколько железных штырей из забора, чтобы удобнее было проникать на территорию.

На улице стояла та предрассветная мгла, когда фонари уже не горят – кстати, на территории больницы их почти не было, – а дневной свет только-только набирает силу, поэтому Надежда с трудом видела лишь силуэты деревьев под окном. Она притихла, наслаждаясь свежим воздухом и запахом весенней прелой земли, как вдруг ей почудилось какое-то движение со стороны морга.

Если бы не стояла вокруг такая тишина, что даже ветка не шевельнулась от слабого ветерка, то Надежда не обратила бы внимания на посторонний звук. Но сейчас она явственно услышала чьи-то крадущиеся шаги. Вот зашуршали прошлогодние листья, хрустнул сучок... Кто это? Собака?

Надежда приоткрыла окно пошире и заметила едва видимый силуэт человека. Человек быстро шагнул по тропинке, что вела от дырки в заборе. В этом не было ничего странного – мало ли кто идет по территории, может, так удобнее срезать путь. Но Надежду удивили уж слишком настороженные движения идущего, чувствовалось, что человек стремится к одному ему известной цели, и цель эта очень серьезная.

Надежда еще успела подумать, что от скуки в этой больнице вообще скоро спят, вот уже начала придумывать всякую ерунду. Нужно срочно проситься на выписку. В это время силуэт свернул с тропинки в сторону морга и направился к двери. Над крыльцом тускло горела лампочка, и Надежде в ее неверном свете все же удалось рассмотреть человека получше.

Как с изумлением констатировала Надежда, это была женщина, причем, судя по мягкости и плавности движений, молодая. Она была высока ростом, одета в черное – куртка и узкие брюки. Длинные волосы были забраны в хвост на затылке. Если бы не волосы, ее легко было бы принять за мужчину – так была стройна и высока. Но эта обманчивая мягкость...

Женщина ступала неслышно, как кошка.

Надежда почувствовала озноб – она чуть не по плечи высунулась из окна, и ничего не прикрывало ее от рассветного холода, кроме тонкой ночной сорочки.

Однако никак нельзя было оторваться от окна, потому что иначе она не узнает, что незнакомке понадобилось в морге среди ночи.

Девушка между тем что-то делала с дверным замком.

«Прямо американский ужастик „Похитительница трупов“, – восхитилась Надежда. – Хоть бы собак они в больнице завели, что ли... Хотя кто будет воровать в морге? Если одежду какую или часы с неопознанного трупа, то санитары давно уже украли...»

Она протянула руку назад и стала шарить по стулу возле кровати в надежде отыскать там старую шерстяную шаль, которую мать принесла ей для спасения от больничных сквозняков. Нашупав шаль, Надежда потянула ее на себя, шаль зацепилась, Надежде пришлось оторваться от окна, и второпях она опрокинула стакан, который вечером сама же оставила на тумбочке. Хорошо, что стакан был пустой – ничего не пролилось на постель, зато он упал на пол с глухим звоном. Стакан не разбился – по мнению Надежды, если и есть на свете что-то вечное, то это граненые советские стаканы, – но Надежда замерла в опасении, что вся палата пробудится от сна. Сырникова увидит раскрытое окно и заорет, что Надежда нарочно по ночам вымораживает больных.

Никто не проснулся – обитатели палаты достаточно закалились, слушая ночной храп Поросенке, что им какой-то стакан! – но девица у двери морга подняла голову, прислушиваясь. Надежда просто воочию увидела, как девица раздула ноздри и повела ушами.

Сама она застыла в окне, боясь пошевелиться и моля бога, чтобы девица не заметила раскрытого окна. Уж слишком серьезно выглядела ночная посетительница, она не похожа была на простого воришку.

Прошло некоторое время, девица успокоилась и скрылась за дверью. В морге был ночной сторож, но он, как подозревала Надежда, спокойно спал в своем закутке до утра.

Надежда посидела еще у окна, вглядываясь в серую мглу. Ей показалось, что за окнами она видит слабый отблеск света: ночная гостя пользовалась фонариком. Что она там делала? Маньячка – осквернительница трупов? Надежде не верилось в такое простое объяснение: уж слишком по-деловому выглядела девица.

От холода не спасла и шаль. Надежда прикрыла окно и посидела еще немного, потихоньку клюя носом, уговаривая себя не маяться дурью и лечь спать.

В это время раздался звук автомобильного мотора, больничный сад осветился фарами, и к моргу подъехала очередная труповозка. Обычно такие машины приезжали днем, но случилось и ночью Надежде проснуться от стука и вызова сторожа.

Высочили санитары и затарабанили в дверь.

– Михалыч, старый черт! Открывай, хватит дрыхнуть!

Надежда вгляделась в окна – никакого отблеска, очевидно, девица выключила фонарик и затаилась.

Через пять минут дверь отворилась, и показался заспанный Михалыч.

– Чего вам неймется-то? – ворчал он. – До утра подождать не могли?

– Какое ждуть! – ответил водитель, высунувшись из машины. – На Выборгском шоссе авария, на семнадцатом километре. Автобус перевернулся да еще две легковушки. Ты, дед, спать не ложись, еще привезут скоро, не оставлять же их на шоссе до утра...

– Царица небесная! – вздохнул Михалыч и заторопился внутрь. – Ребятки, сейчас покажу, куда складывать...

Надежда содрогнулась и хотела уже закрыть окно, чтобы не слышать страшных подробностей, но знакомое покалывание в корнях волос ее остановило. Так начинало проявляться сильнейшее любопытство, которое Надежда Николаевна очень хорошо изучила и знала, что бороться с этим любопытством бессмысленно, его можно только удовлетворять.

И сейчас ей безумно захотелось узнать, какого черта делала в морге девица в черном и как она теперь выберется оттуда?

Санитары возились довольно долго, водитель в это время покурил на крылечке. Парни вышли что-то уж очень веселые, и Надежда поняла, что Михалыч угостил их из своих запасов спиртиком. Водитель тоже это понял, пробурчал что-то завистливое, и труповозка уехала.

Сторож запер двери изнутри, и стало тихо. Надежда продолжала наблюдать.

Вот показался силуэт сторожа за освещенным окном, потом окна один за другим стали гаснуть, вдруг Надежде почудилось в последнем окне какое-то резкое движение, свет окончательно погас, и Надежда заметила, что уже полностью рассвело.

Через некоторое время – она не засекала точно – снова послышался шум, но на этот раз, судя по звукам, шли несколько человек.

«Да что сегодня за ночька? – удивилась Надежда. – Никакого покоя...»

Шаги раздавались громко в ночной тишине, люди нисколько не старались пройти незаметно.

– Черт, не удалось на машине сюда въехать! – услышала Надежда грубый мужской голос. – Теперь тащись обратно чуть не версту...

– Ничего, Вовчик, – наставительно ответил другой голос, в котором Надежда без труда угадала начальственные интонации, – пешком ходить полезно, опять же воздухом подышим...

Мужчины шли не по тропинке от дырки в заборе, а, как прикинула Надежда, от главного входа. Вот интересно, а тетя Дуня утверждала, что на ночь ворота запираются и двери главного корпуса тоже. Но эти пролезли как-то, машине только не удалось проехать.

Шедшие свернули к моргу, в чем Надежда и не сомневалась, – некуда им больше идти, не к ней же под окошко серенады петь!

Вот они подошли к крыльцу, и опять-таки Надежде удалось кое-как разглядеть всех троих. Двое были обычные бритоголовые качки. Причем один очень уж выделялся своими размерами – просто какой-то шкаф, причем не современный финский шкаф-купе – тот высокий, с зеркальной дверью, – а старый, пятидесятих годов, дубовый трехстворчатый шкаф.

Второй был поуже в плечах, но тоже молодец хоть куда. Третий же по силуэту был постройнее, а по движениям – постарше. Именно он был среди этой троицы главным. Надежда разглядела даже черные густые волосы и нос с горбинкой, то есть, выражаясь языком милицеских протоколов, третий из компании являлся лицом кавказской национальности.

Надежда Николаевна поплотнее закуталась в шаль и решила приоткрыть окно пошире. Уж очень было интересно, что собираются делать новые визитеры.

Старший деловито обошел морг со всех сторон, послал того, кто похудее, погулять вокруг. Тот прошел по тропинке и без труда обнаружил дырку в заборе.

Старший достал мобильный телефон и тихо сказал что-то в трубку. Надежда предположила, что он отдал приказ шоферу машины объехать больничный двор и встать у дырки.

«Неужели они собираются красть труп? – У Надежды замерло сердце. – Я думала, что такое бывает только в кино...»

Старший поглядел на окна, вычислил одному ему ведомыми путями окно каморки сторожа и постучал негромко в стекло. Ему никто не ответил. Подождали немного, потом более здоровый парень забубнил:

– Дух, может, там и нет никого. И чего мы приперлись ночью? До утра он, что ли, не подождет, покойник-то.

– Его, может, утром похоронят, – зло огрызнулся тот, кого называли Духом. – Тогда что, прикажешь могилу раскапывать? Это гораздо труднее... А так взглянешь быстренько, и все...

Надежда в окне была вся внимание. Стало быть, красть труп они не собираются... А жаль, интересно было бы поглядеть, как они потащат покойника...

Она тут же устыдилась своих мыслей – нехорошо так про покойников-то, следует смерть уважать... Но за месяц без малого пребывания в палате с окнами на морг Надежда Николаевна не то чтобы очерствела душой, но стала более спокойно относиться к некоторым вещам.

Муж назвал бы ее образ мыслей несколько циничным, но с мужем она такими мыслями предпочитала не делиться.

Старший вынул из кармана нож и поковырялся в замке. Судя по тому, что он отпустил несколько ругательств, замок не поддался.

«То ли дело сработала девица! – не могла не восхититься Надежда. – Быстро и бесшумно, а эти топают, как стадо слонов, шумят, пыхтят, а толку чуть».

Как бы в ответ на ее ехидные мысли, старший сказал что-то здоровому Вовчику, и тот налег на дверь чугунным плечом. Она не поддалась. Кавказец, которого называли Духом, оглянулся на окна больничного корпуса. Надежда знала, что его ничто не беспокоит, потому что на морг выходил торец здания, в котором был один-единственный ряд окон. Причем на первом этаже размещалась водолечебница, и окно было замазано белой краской, на третьем, над палатой Надежды, располагался рентгеновский кабинет, и окно было затянуто плотной шторой, а дальше, в торце вообще не было окон. И только на втором этаже из окна за нарушителями подглядывала Надежда, но она мигом опустила занавеску, зажмурилась и постаралась представить себя каким-нибудь фикусом.

Очевидно, Дух поверил, потому что он прошипел что-то Вовчику, и тот с разбегу налетел на дверь всем своим немалым весом. Дверь отворилась внутрь с ощутимым грохотом, а Вовчик ушиб плечо о сломанный косяк и огласил двор еще более громкими ругательствами, но тут же притих, внимая приказу Духа.

Все трое вошли внутрь, аккуратно прикрыв за собой дверь. В одном окне зажегся свет, но, что там происходило, Надежде было не видно из-за серой краски на окнах.

Все дальнейшее напомнило представление театра теней. В полной тишине за матовым стеклом двигались четкие тени. Надежда очень жалела, что не слышит разговоров, но и так было понятно, что в морге происходит что-то невообразимое.

«Сторож от грохота ломаемой двери непременно бы проснулся, – думала Надежда, – а если он не проснулся, следовательно, та девица оглушила его, чтобы не мешал. Не зря мне почудилось тогда какое-то резкое движение за окном. И это еще хорошо, если только оглушила, а может, вообще отправила к праотцам, благо тут недалеко, уже, можно сказать, на полдороге...»

Свет горел уже во всех окнах морга, тени метались как сумасшедшие, среди них появилась одна – гибкая и стройная, и Надежда сообразила, что девушка вышла из своего укрытия и сражается сейчас с бандитами, а в том, что это бандиты посетили морг, не было никаких сомнений.

Распахнулась дверь, и девица лаской скользнула в нее, но тут же на крыльце была схвачена сзади за плечи бандитом помельче. Он по инерции протащил ее вперед по ступенькам, а следом из двери выскочил Вовчик, забежал спереди и протянул было уже руки, чтобы схватить девицу или смазать ее по лицу, но получил такой удар ногами в лицо, что даже осел на некоторое время на землю.

Девица ужом крутанулась в руках второго бандита и, судя по раздавшемуся воплю, укусила его в плечо, как норовистые лошади кусают неопытных седоков за коленку. Тот от неожиданности и боли ослабил хватку, и девица припустила было к дырке в заборе, но на тропинке уже стоял Дух и целился в девицу из небольшого аккуратного пистолета.

У Надежды захватило дыхание. Она прижала руки к бьющемуся сердцу и вовремя напомнила себе, что она не должна ничем показать свое присутствие.

– Стоять! – произнес Дух негромко. – Руки поднять и медленно подойти ко мне...

– Ешь твою плешь! – простонал очухавшийся Вовчик. – Чуть челюсть не своротила!

Он встал с земли и вдруг попер на девицу, как раненый буйвол, ничего не видя и не слушая приказов, а та, дождавшись, когда Вовчик окажется между нею и пистолетом, рванула в сторону. Бежать к дырке в заборе она не могла – там стояли Дух и другой бандит. Девица бросилась в глубь больничной территории в надежде затеряться между деревьями и корпусами.

Вовчик, топая, как носорог, припустил за ней, остальные – тоже. Стрелять Дух не стал, опасаясь, надо полагать, шума.

Но шум и так возник. Там, в более обитаемой части двора, проехала машина, осветив фарами погоню, зашумели какие-то люди, даже послышался свист.

Надежда с сожалением собралась было уже захлопнуть окно и лечь спать, как вдруг увидела бесшумно бегущую все ту же таинственную девицу. Как видно, до того как пробраться в морг, она хорошо изучила территорию больницы, и теперь, оставив погоню позади, запутав следы, как лиса, она возвращалась к той самой дырке в заборе, потому что проскочить через главный вход наружу было трудновато – все же там какая-никакая охрана и бандиты преследуют по пятам.

Несмотря на то что дела, которыми занималась девица в морге, без всякого сомнения, являлись незаконными, Надежда всей душой болела именно за нее – из женской солидарности, и еще она с детства не терпела, когда трое наваливались на одного. Это нечестно, вот если бы они по очереди пробовали бороться с девушкой, то она запросто победила бы всех, Надежде очень хотелось в это верить.

Девушка бежала бесшумно, но все ближе и ближе слышался топот погони. От дырки в заборе вдруг послышался гудок автомобиля, и девушка притормозила как раз под Надеждиным окном. Она оставалась там одну секунду, выбросила из кармана что-то не очень большое, оно шлепнулось на мягкую землю почти беззвучно. Девушка, не наклоняясь, сделала пару движений ногой – и все, упавший предмет скрылся под прошлогодней листвой, а девица была уже возле забора.

Надежда отвлеклась на преследовавшую команду и не заметила, как девица оглянулась на бегу, запоминая место, бросила взгляд на больничный корпус и отметила слегка колыхнувшуюся занавеску в окне второго этажа.

Протопали преследователи – впереди бежал парень похудее, за ним – Дух, а толстый Вовчик безнадежно отстал.

Возле дырки в заборе слышалась какая-то возня, но Надежде было плохо видно. Когда погоня достаточно отдалилась, она рискнула распахнуть окно и высунуться чуть ли не по пояс. Дело было плохо. Очевидно, девушка надеялась, что водитель в джипе будет один, и думала прорваться. Но там оказалось двое.

Они схватили ее и держали крепко, пока не подскочил Дух и не ударил ее сильно по лицу. Девушка поникла в руках бандитов, и тут подоспел Вовчик и окончательно оглушил ее ударом пудового кулака по голове.

Бандиты захихнули безвольное тело в джип и поскорее отъехали, потому что уже слышался у главного корпуса шум и даже лай собаки.

Надежда Николаевна взглянула на часы – скоро шесть утра. Через полтора часа подъем – зашумят в больничных коридорах нянечки и медсестры, больные потянутся умываться. Надо бы поспать, но сон, естественно, не шел.

Надежде даже стало обидно – столько времени сидела у окна и ничегошеньки не выяснила.

Кто была таинственная девица? Зачем она полезла в морг? Что она там хотела найти? И нашла ли? На все эти вопросы у Надежды Николаевны не было ответа.

А также на многие другие: кто были трое преследователей? Зачем они приперлись в морг ночью, зачем преследовали девицу? И что они теперь с ней сделают? Судя по тому, как сильно они рассердились, ничего хорошего девушку не ждет, с грустью констатировала Надежда.

Спать не хотелось, и Надежда, лежа в кровати, предавалась размышлениям. Про девицу она ничего не знает, это верно, но зато она может кое-что предположить насчет преступной троицы.

Все трое были бандитами, это несомненно. Два качка и старший, кличка Дух. Подходили они к моргу свободной походкой ничего не боящихся людей. Это не потому, что они такие смелые, догадалась Надежда, а просто они не собирались делать ничего противозаконного. Как сказал Дух толстому Вовчику? «Просто взглянешь на него, и все»...

«Много ли трупов сейчас находится в морге?» – размышляла далее Надежда. Тех бедолаг из бывших обитателей больницы, которые оказались в морге в результате упорных стараний докторов, можно исключить, они вряд ли заинтересовали бандитов. Кто еще? Погибшие в результате аварии на Выборгском шоссе? Этих только начали возить, еще небось даже репортеры на знают про аварию... а не то что обычные люди.

Нет, дело тут касается перестрелки в китайском ресторане, что произошла позавчера. Говорила же тетя Дуня, что привезли четверых – одного мафиози, двух его охранников и еще одного типа, который не то рядом стоял, не то с этим мафиози беседовал доверительно, вот ему и попало... И вот приходят три человека совершенно криминального вида и хотят посмотреть на кого-то из обитателей морга. Если на мафиози, то что на него смотреть-то? И так все знают, кто это, даже по телевизору говорили. Охранники тоже не в счет. Значит, они хотели поглядеть на того, второго...

«И что это мне, Надежде, дает? Да ни черта!» – в сердцах подумала она.

Но можно пойти другим путем. Можно попробовать достать ту вещь, что закопала под окном неизвестная девица. Конечно, нехорошо брать то, что тебе не принадлежит. Но Надежда не будет это использовать, она просто посмотрит, что это такое, и вернет по первому требованию. Если девушке удастся освободиться от бандитов и она придет за своей вещью, Надежда уж ее не пропустит. А если никто не придет в ближайшее время, то даже опасно оставлять это под открытым небом. Дождь может пойти, опять же топчутся люди под окном, могут найти и взять.

Одним словом, Надежда Николаевна без труда убедила себя, что не будет вреда, если она приберет неизвестный предмет до появления его владелицы. Как говорится, подальше положишь – поближе возьмешь...

Надежда сладко потянулась и взбила подушку. Настроение улучшилось. Ее пребывание в больнице обещало стать не таким уж скучным. Значит, утром, как только появится тетя Дуня, следует осторожненько расспросить ее, что там случилось в морге, возможно, она будет знать. Как получить в свое распоряжение спрятанный неизвестной девицей предмет, Надежда примерно представляла.

* * *

Алиса пришла в себя от резкого запаха нашатыря и еще более резкого удара по лицу. Застонав, она открыла глаза. Над ней склонился толстый мордоворот с маленькими поросычьиими глазками на злом опухшем лице, покрытом начинающими желтеть синяками.

Увидев эти синяки, Алиса вспомнила свое столкновение с бандитами и, несмотря на свое плачевное положение, на боль во всем теле и тошноту, усмехнулась:

– Хорошо я тебя изукрасила!

Бандит в ответ зарычал, как рассерженный пес, и замахнулся, но сзади послышался спокойный голос с чуть заметным кавказским акцентом:

– Вовчик, остынь. Нам с девушкой сначала поговорить нужно, а если ты ее снова отключишь – опять ждать придется, пока очухается.

Тут же из-за широкого плеча Вовчика показалось смуглое горбоносое лицо, и кавказец, отодвинув толстяка в сторону, заговорил:

– Ну что, красавица, пришла в себя? Рассказывай, что в морге делала.

– Попить дайте, – хриплым голосом произнесла Алиса, – рот пересох, говорить не могу. И развяжите, все тело болит!

– Воды дам, – кавказец отошел в сторону и вернулся с голубой бутылкой минералки, – а вот развязывать тебя не буду. Мальчики мои не одобряют. Вон ты как Вовчика отделила. – Он с кривой усмешкой посмотрел на пыхтящего от злости толстяка. – Вот если ты нам все расскажешь, тогда, может быть, и развяжу...

– Так я вам и поверила! – Алиса попробовала пошевелить руками и ногами, но была туго привязана толстыми бельевыми веревками к жесткому деревянному столу.

Кавказец поднес к ее губам горлышко бутылки.

Пить было очень неудобно, большая часть воды пролилась на шею и за воротник, но дышать и говорить стало легче.

– Ну так что же ты делала в морге? – повторил смуглый свой вопрос.

– Приходила на жениха посмотреть, – мгновенно ответила Алиса, – он в аварии погиб.

– Что, так соскучилась, – саркастически парировал кавказец, – что не смогла до утра потерпеть? Посреди ночи в морг потащилась? Как ты туда, между прочим, попала? Замок-то на дверях очень даже неплохой.

– Дух, что ты с ней цацкаешься? – придвинулся поближе Вовчик. – Дай я ее паяльником прижарю, мигом, в натуре, разговорится!

– Видишь, красавица, как серьезно настроены мои головорезы? – Кавказец покосился на Вовчика с прежней кривой ухмылкой. – Если не заговоришь по-хорошему, придется воспользоваться его советом.

Последний раз, сука, спрашиваю, что в морге делала? – Усмешка сползла с его лица, и оно исказилось злобой.

– Говорю – с женихом пришла проститься! Ну не с женихом, с любовником! Завтра похороны, на похоронах меня жена его близко не подпустит, хотела последний раз на любимого человека посмотреть!

– А почему от нас удирала?

– Да сам подумай: ночью в морге увидеть ваши бандитские рожи – кто же не испугается? Конечно, я спряталась, а потом побежала.

– Та-ак, – протянул Дух многообещающе, и от злобы, какой наполнился его голос, казалось, померкло и без того неяркое освещение в комнате, – значит, по-хорошему не хочешь? Ты за кого меня держишь, кошка драная, ты что думаешь, лох перед тобой, можно ему любую пулю отлить, он и проглотит?

Ты замок открыла, сторожа отключила, моих орлов отделила – все, как настоящий профессионал! Этих-то, конечно, – он покосился на своих «быков», – сегодня все кому не лень быют – отрастили животы такие, что ноги свои видят только в зеркале, но ты, сука, меня не обманешь! Это ведь ты в китайском ресторане была, когда Кабаныча замочили!

– Я вашего шефа не трогала! – вскрикнула Алиса.

– Да знаю, ты со вторым вместе пришла, который с Кабанычем встречался. Говори, кто он такой? Ведь ты и сейчас в морг из-за него приходишь. Не посмотреть на него – эту чушь ты кому-нибудь другому можешь рассказывать! Тебе от него что-то взять надо было. Это ты, дрянь подзаборная, полпальца у него отрезала? Говори, зачем тебе его палец?

– Да ты что! – взвизгнула Алиса в притворном ужасе. – Что я, ведьма, что ли, у покойников руки отрезать? Да мне об этом даже подумать страшно! Вы ведь, ребята, наверняка меня обыскали – нет у меня ничего!

– Обыскали, – кивнул Дух, внезапно успокоившись, – конечно, обыскали. Если бы палец при тебе был, я бы не так с тобой разговаривал. Но ты не думай, все равно ты мне все расскажешь. Давай, Вовчик, – Дух повернулся к своему подручному, – разогревай паяльник!

Толстяк плотоядно усмехнулся, притащил из небольшого шкафчика огромный допотопный паяльник с длинным шнуром, положил его на стол рядом с Алисой и включил в сеть.

– Ну что, детка, чувствуешь, чем пахнет? – спросил Дух, наклонившись к своей пленнице. – Сейчас ты у меня запоешь, лучше всякого соловья запоешь!

Алиса в ужасе скосила глаза на медленно краснеющее жало паяльника. В это время дверь комнаты приоткрылась, и в щель заглянул второй боевик Духа, тот, что похудее и повыше.

– Дух, – проговорил он вполголоса, – там тебя Одноглазый к телефону просит.

Дух неохотно шагнул к двери, оглянулся на Вовчика и, бросив ему: «Без меня не начинай!», вышел в соседнюю комнату.

Как только дверь за ним захлопнулась, Алиса томно закатила глазки и голосом, чувственным, насколько позволяло ее положение, простонала:

– Вовчик!

– Что тебе?! – злобно огрызнулся толстяк.

– Вовчик, я тебя; не хотела обидеть, ты симпатичный!

– Замолкни, сука, думаешь, дурака нашла?

– Вовчик, я хочу... напоследок... ведь убьет же меня это Дух ваш... сразу видно, что совсем бешеный... давай напоследок...

– Чего?! – тупо спросил Вовчик.

:

– Ну, будто не знаешь, чего! Только я хочу с тобой, только с тобой, понимаешь?

Вовчик оживился и шагнул к столу:

– Ну сейчас, сучка, ты не пожалеешь!...

– Вовчик, только одно прошу: дверь закрой, я не хочу, чтобы они помешали... В самую минуту, понимаешь? Я хочу только с тобой...

– Ладно. – Вовчик ухмыльнулся, отошел к двери и завожился с замком.

Пока он не видел, Алиса плохо слушающимися пальцами дотянулась до раскаленного жала паяльника, зацепила пышущий жаром металл длинными наманикюренными ногтями. Явственно запахло паленой костью. Алиса подтянула паяльник к себе так, чтобы его жало легло на синтетическую веревку, которой Алиса была обмотана, как тамбовский окорок на витрине гастронома. Синтетический шнур начал плавиться от жара.

Вовчик с горящими глазами, облизываясь, как медведь перед ульем, подошел к столу, расстегнул «молнию» своих широченных штанов и взгромоздился на связанную девушку. Алиса охнула, но в ту же секунду она почувствовала, что веревка на ее руках ослабла: паяльник пережег ее. Высвободив правую руку, Алиса схватила паяльник и ткнула Вовчику в бок.

Незадачливый бандит завопил истошным голосом и свалился со стола. Он тут же вскочил на ноги, одной рукой поддерживая падающие штаны, а другой держась за обожженный бок. С выпученными от боли глазами Вовчик подпрыгивал на одном месте и жалобно вскрикивал:

– У, сука! У, какая сука!

Алиса, не теряя времени, освободилась от веревок, прыгнула со стола и сильным ударом ноги в голову послала Вовчика в нокаут. Кажется, сегодня это у нее вошло в привычку. Правда, сейчас это можно было рассматривать как обычный наркоз.

Вовчик грохнулся на пол и затих. На его толстой и тупой физиономии застыло выражение глубоко обиженного ребенка. В дверь уже ломились Дух с напарником – истошный вопль обожженного Вовчика и мертвеца поднял бы из могилы.

Алиса в один прыжок оказалась у двери, заклинила дверную ручку тяжелым металлическим стулом, надеясь, что такое препятствие выдержит напор двоих бандитов чуть дольше, чем замок. Затем она бросилась к окну. К счастью, оно не было забрано решеткой. Алиса распахнула раму и выглянула наружу.

Окно было на третьем этаже, нечего было и думать выпрыгнуть. Но она тут же вспомнила о веревках, которыми снабдили ее бандиты. Связав два куска, перед тем так ловко разрезанные паяльником, она закрепила веревку хитрым морским узлом на трубе парового отопления и влезла на подоконник. Дверь уже трещала под тяжелыми ударами. Алиса крепко ухватилась за веревку и начала спуск.

Коснувшись ногами асфальта, она дернула веревку за свободный конец, тем самым развязав свой хитрый узел, чтобы ценный инвентарь не достался врагу. Веревка упала на асфальт, Алиса огляделась и бросилась бежать.

Вокруг нее были унылые промышленные корпуса, в которых давно уже замерла всякая жизнь. Завернув за угол и обогнув трансформаторную будку, Алиса спугнула старого бомжа, который выискивал что-нибудь ценное в горе производственного мусора. Еще пару раз изменив направление, девушка перешла на шаг: бандиты вряд ли нашли бы ее в этом железобетонном лабиринте. Проскользнув в очередные ржавые ворота, она оказалась на Обводном канале. Наконец-то стало понятно, где она находится.

Нужно было добраться до больницы, чтобы забрать спрятанную в прошлогодней листве косметичку, но прежде Алиса решила заехать домой. После всех сегодняшних приключений необходимо было переодеться и привести себя в порядок, чтобы не пугать своим видом окружающих. Кроме того, ей мучительно хотелось принять душ, не говоря уже о том, чтобы выпить чашку горячего крепкого кофе.

С большим трудом остановив частного – большинство водителей, увидев ее, проезжали мимо, – Алиса добралась до дома.

Открыв дверь квартиры, она вошла и облегченно вздохнула: наконец-то в безопасности!

* * *

Травматологическое отделение начинало новый день. Больные неохотно просыпались, невыспавшиеся сестры разносили градусники, нянечки гремели ведрами, слышен был могучий бас старшей медсестры, и несло уже из кухни подгоревшей кашей. Словом, все было как обычно, за одним исключением – не пришла в палату тетя Дуня. Она где-то задержалась, и Надежда сильно подозревала, что в морге.

Надежда встала пораньше и умудрилась провести все утренние процедуры до того, как толпа больных начала осаждать места общего пользования. Ее соседки разошлись, а Надежда сидела у окна, умытая, причесанная, и кое-кого ожидала.

Этот кое-кто ждать себя не заставил. Под окном появился плюгавенький мужичок неопределенного возраста – от сорока до шестидесяти. Одет он был в засаленную курточку и такие же брюки, а ботинки были без шнурков. Мужичок снял кепочку, потоптался немного под окном и задрал голову вверх, причем стало видно, что под глазом у него застарелый синяк.

Мужичок прочистил горло, намереваясь крикнуть, но, заметив Надежду в окне, приятно удивился.

– Здравствуй, Венечка! – сказала Надежда как можно приветливее.

– Здравствуйте, – вежливо отвечивал тот.

– Как поживаешь? – начала Надежда светскую беседу.

– Да что ж, – хмыкнул Венечка и опустил глаза dolu, – мы ничего... Пришел вот... – Он снова надолго замолчал.

Венечку знало все отделение. Его жена Мария Степановна лежала в соседней палате с переломом шейки бедра. Вставать ей не разрешали, и Венечка навещал ее, когда был трезв, потому что заведующий отделением не жаловал пьяниц, а Венечка как раз и являлся тихим, безобидным алкоголиком. Поэтому навестить супругу, так сказать, официально у него получалось нечасто, он предпочитал общаться с нею через окно.

Но окно соседней палаты выходило на другую сторону, там проходили посетители и врачи торопились на работу – в общем, под тем окном можно было появляться только вечером, когда врачи уже расходились по домам. Но Венечка не мог ждать до вечера, с раннего утра у него горела душа. Поэтому он являлся с утра пораньше под окошко Надежды, та шла в соседнюю палату и в зависимости от настроения Марии Степановны приносила Венечке десятку на пиво или же ничего не приносила, а только передавала на словах, чтобы Венечка катился к чертовой матери и не смел больше показываться в больнице.

– Ну, Николавна, как моя-то сегодня? – Венечка Надежду уважал и звал просто по отчеству.

– Ой, Венечка, не хочу тебя огорчать, но плохо, – соврала Надежда. – Спала, говорит, неважно, цыгане, говорит, снились, а это не к добру.

– Значит, не даст, – обреченно констатировал Венечка.

– Боюсь, что так, – подтвердила Надежда, – но ты не унывай. Хочешь на бутылку пива заработать?

– Спрашиваешь, – оживился Венечка, – только лучше на две...

– Договорились. – Надежда показала ему свернутые в трубочку две десятки. – Тогда ты вот что... Я тут пакетик один случайно уронила, вот прямо под окно, так ты разрой листья-то и подай его мне.

Венечка поглядел подозрительно, но Надежда помахала десятками, и он послушно принялся ковырять землю в том месте, где она указала.

– Ну, есть там что? – От нетерпения Надежда высунулась в окно чуть не по пояс.

– Нашел. – Венечка показал ей запачканную землей обычную дамскую косметичку.

– Давай ее сюда. – Она уже спустила вниз веревочку, которую использовали обитатели палаты для получения незаконных передач.

Венечка колебался, вертя в руках косметичку, он даже попытался ее открыть.

– Ты, Веня, не думай, там денег нету, – сказала Надежда и помахала десятками.

Веня смирился, привязал косметичку, и Надежда мигом подняла ее наверх, после чего бросила ему обещанную плату. Венечка удалился радостным шагом, а Надежда мигом спрятала косметичку под подушку, так что когда вернулась из туалета Сырникова, она увидела только, как Надежда закрывает окно.

– Я проветрила, пока вас не было, – не дожидаясь вопросов, объяснила Надежда.

Сырникова по привычке поглядела подозрительно, но ничего не сказала.

Уборщица тетя Дуня появилась позже обычного, с хмурым видом и заплаканными глазами.

– Михалыча-то ночью чуть не убили, – сообщила она, скорбно поджимая губы. – Вломились какие-то в морг, все там перерыли.

– Искали что-то? – слишком поспешно спросила Надежда. – Украли?

– Да что там украсть-то можно, – засмеялась Любка, – покойника, что ли?

Тетя Дуня обиделась на то, что насмеются и перебивают.

– Ты лучше скажи, – обратилась она к Надежде, – ты ночью ничего не слышала?

– Ничего, – честно глядя ей в глаза, ответила Надежда, – я спала.

– Спала? – с сомнением протянула тетя Дуня. – Тут, говорят, такой шум ночью был...

– А что с Михалычем-то случилось?

– Ну, говорит, услышал он какой-то шум подозрительный, пошел проверять, ему раз по голове, он и не помнит больше ничего. Утром труповозка приехала, дверь открыта, Михалыч на столе лежит без сознания.

Они было его за покойника приняли, хотели в холодильник класть, а тут кто-то сообразил, что все покойники голые, а этот – одетый. А потом уже пригляделись и Михалыча в личность узнали.

Любка хохотала в голос, и Надежда, представив, как бедного Михалыча чуть не отправили в холодильник, не смогла к ней не присоединиться.

Тетя Дуня окончательно обиделась и смотрела злобно.

– Сейчас-то сторож пришел в себя, помощь ему оказали? – обратилась к ней Надежда.

– Оказали, – буркнула тетя Дуня. – Если бы труповозка утром не приехала, может, и не очухался бы.

– Много народа с аварии ночной привезли? – спросила Надежда, чтобы сменить тему.

– А ты откуда знаешь про аварию? – остервенилась тетя Дуня. – А говоришь – спала, ничего не слышала...

Надежду спасла старшая медсестра, которая вызвала тетю Дуню по хозяйственной надобности.

После завтрака, обхода и процедур Надежда незаметно сунула добытую с помощью Венечки косметичку в карман халата и удалилась в туалет. Закрывшись в кабинке, она с замиранием сердца открыла косметичку. На первый взгляд в ней не было ничего криминального, обычный набор дамских мелочей: носовой платок, пудреница, тюбик помады, а также круглая пластмассовая коробочка, на которой было написано по-немецки.

Немецкого Надежда не знала, но разобрала несколько слов – в коробочке, судя по надписи, находился крем для рук. Очень осторожно она отвинтила крышку. Там и был крем. Надежда рискнула еще понюхать – пахло косметикой, ничего подозрительного. Вздохнув, Надежда завинтила коробочку и снова перебрала вещи. Она открыла также пудреницу и тюбик помады – нигде ничего подозрительного, все самое обычное. Больше в косметичке ничего не было – ни документов, ни записочки, ни билета на поезд, ни чека из магазина. Она потрясла пустую косметичку, заглянула за подкладку, проверила швы – и отступила. Нигде ничего.

Надежда аккуратно собрала все косметические принадлежности, закрыла косметичку, сунула ее в карман и вышла из кабинки.

Не может быть, чтобы девица спрятала никому не нужную косметичку. Определенно, что-то в ней есть важное. И Надежда обязательно выяснит, что это может быть. А пока... Надежда подумала немного и осторожно открыла дверь крошечного чуланчика, где тетя Дуня хранила ведра, тряпки и порошок. Там, в стенном шкафу, стояла стопка старых больничных суден с отбитыми краями. Надежда пожалала плечами, удивляясь, кому они могут быть нужны, но рассудила, что если не выбросили их до сих пор, то в ближайшее время никуда они не денутся. Она засунула было косметичку в самое верхнее судно, для этого пришлось встать на перевернутое ведро, и выскользнула из чуланчика, но, пройдя несколько шагов по коридору, отчего-то передумала, вернулась в чулан и перепрятала косметичку в списанный автоклав, который притулился тут же, в углу чулана. Уж в автоклав-то точно никто не полезет!

Тетя Дуня больше не появлялась, и никаких новостей они не узнали. В окно Надежда посматривала изредка, но ничего интересного не смогла заметить.

* * *

Тетя Дуня, наскоро переделав дела – то есть размазав грязь по больничному коридору, – удалилась в морг. Сторож Михалыч малость оклемался, но решил не ходить домой, чтобы не тратить силы. Теперь он с перевязанной головой отлеживался в своей каморке и лечился спиртиком. Патологоанатом сегодня смотрел на это сквозь пальцы.

Тетя Дуня принесла Михалычу еду из больничной столовой, но он больше налегал на спиртное. Во второй половине дня похорон не было, так что никто не толпился возле морга. Патологоанатом уехал на экспертизу, санитары занимались своими делами, а солнышко светило так славно, что тетя Дуня выползла из душной каморки на белый свет. Михалыч прикорнул на топчане и дышал ровно.

Тетя Дуня присела на лавочку и тоже начала было задремывать, но ее разбудило легкое покашливание.

Тетя Дуня открыла глаза и увидела, что на скамейке рядом с ней сидит молодой парень. Парень был коротко острижен, с приличными мускулами, но смотрел мирно и даже поздоровался вежливо:

– Здравствуйте, бабушка.

Парень был послан Духом на разведку. После того как Алиса бесследно исчезла, покалеченному Вовчику оказали медицинскую помощь – для этой цели пришлось пригнать автобус, потому что в легковушке везти в травмпункт было нельзя, Вовчик не мог сидеть. Лежа на животе и благоухая мазью от ожогов, сквозь стоны и мат Вовчик поведал Духу и другим, как он упустил Алису. Дух поразмыслил и решил послать кого-нибудь в больницу на разведку. В конце концов, девчонка отрезала палец у трупа. Для чего он ей нужен? И самое главное, куда она его дела? Все это нужно было выяснить, и, желательно, как можно быстрее.

Дух выбрал парня посмекалистее и послал его покрутиться возле больницы. В случае, если там подняли бы шум, у парня было алиби на всю предыдущую ночь.

Не дождавшись от тети Дуни ответного приветствия, парень достал сигареты и закурил.

– Не курите, бабушка? – предложил он сигареты тете Дуне.

– Я две возьму! – Старуха вспомнила про Михалыча.

– Хоть четыре! – великодушно разрешил парень и тут же задал вопрос по существу:

– А что, бабушка, ночью вы не работаете?

– А тебе зачем? – подозрительно спросила старуха.

– Для дела, – пояснил парень. – Интересно узнать, что тут ночью за шум был и кто в морг ворвался.

– Может, сторож что-то заметил?

– А это не ваши ли Михалыча по голове приложили? – грозно спросила тетя Дуня и встала со скамейки. – Так я сейчас тебя в милицию сдам, охальник!

– Если бы наши сторожа прихлопнули, то мы бы уж знали, что ночью случилось, – резонно ответил парень. – А если я спрашиваю, значит, сам хочу выяснить. Так что зря вы, бабушка, кричите, давайте по-хорошему поговорим.

– Чего тебе надо-то? – хмуро спросила тетя Дуня.

– Если сторож что вспомнит, я бы ему... – Парень раскрыл полиэтиленовый пакет и показал тете Дуне литровую бутылку «Синопской».

Старуха оживилась – редко она видела такую хорошую водку.

– Михалыч-то ничего не вспомнит, без сознания он всю ночь пролежал. Но вот я тебе скажу. – Тетя Дуня наклонилась к парню:

– Вон, видишь окно на втором этаже? Там в палате одна баба лежит, она все время в окно смотрит.

– И ночью? – недоверчиво спросил парень.

– И днем, и ночью! – энергично подтвердила тетя Дуня. – Уже если она не видела, так и никто ничего не видел.

Тетя Дуня вспомнила, как хохотали сегодня Надежда с Любкой над беднягой Михалычем, и добавила:

– Она говорит, что всю ночь спала, но врет, я знаю, что она на рассвете в окно подсматривала. А уж как ты с ней будешь разговаривать, как в отделение попадешь, это твое дело.

Парень внимательно поглядел на указанное окно, и как бы в подтверждение словам тети Дуни, там шевельнулась занавеска и показалось женское лицо, которое тут же скрылось.

– Вот, видел? – торжествующе зашептала тетя Дуня, облизнув губы и покосившись на горлышко «Синопской», выглядывающее из пакета.

– Ну ладно, держи. – Парень протянул ей пакет.

После удачно завершенной сделки тетя Дуня с Михалычем уединились в его каморке, и до следующего утра их никто не видел.

А в палате к вечеру разгорелся очередной скандал.

Снова шли вереницей мужики поглядеть на Любку.

Потом, в часы посещений, явился Юрик – краснорожий плечистый майор с зычным голосом и цепким взглядом маленьких глазок. Анна Поросенке кушала принесенные ее многочисленным семейством голубцы (снова с чесноком, как с грустью отметила Надежда), сама Надежда сидела в холле и слушала рассказы мужа о коте Бейсике.

К Сырниковой никто не пришел – мужа и детей у нее не было, а с племянниками какие-то сложные отношения, и навещать тетку, как поняла Надежда, им было нож острый.

Надежда выслушала краткий перечень хулиганских поступков, которые кот, сидя дома один целыми днями, совершал исключительно от скуки, примерила принесенный мужем небольшой костылик из алюминиевых трубок – он был легким и очень удобно охватывал руку повыше локтя, – после чего вернула все продукты, кроме фруктов: от малоподвижного образа жизни она прибавила уже три с половиной килограмма и очень по этому поводу расстраивалась. Наконец Сан Саныч собрался уходить, сказав на прощание, что скучает и ждет не дождется, когда Надежда вернется домой, что он говорил с врачом, и тот заверил его, что все у Надежды будет хорошо, нужно потерпеть совсем немножко – гипс снимут через несколько дней. Останется только разработать ногу, и можно выписываться, а они с котом уж постараются к ее приходу привести квартиру в приличный вид.

Рассеянно улыбаясь, Надежда шла по коридору и столкнулась с Сырниковой, та буквально кипела от злости.

– Нет, вы подумайте, а? – клокотала она. – Выставили меня за дверь, а сами заперлись в палате!

Оказалось, майор, не дождавшись, пока до Сырниковой дойдет, что нужно выйти и оставить их с Любкой хотя бы ненадолго одних, просто выпроводил ее чуть не силой, а сам заклинил дверь изнутри стулом.

Сырникова топталась под дверью и, по выражению Поросенке, «исходила на дерьмо».

– Что же это такое? – шипела она. – Здесь все-таки больница, а не дом свиданий!

– Да бросьте вы, Велора Михайловна! – пробовала увещевать ее сытая и добродушная Анна Поросенко. – Что вы, сами молодой не были?

– Я?! – изумленно заорала Сырникова.

«Она не была, – поняла Надежда. – Она никогда не была молодой...»

Сырникова помчалась жаловаться. Но дежурного врача вызвали в приемный покой, а медбрат Андрюша посмотрел на нее выразительно и сказал, чтобы она не маялась дурью. К приходу дежурного врача майор Юрик уже удалился, а Любка встретила врача такой улыбкой, что тот только крикнул и ушел в ординаторскую пить чай.

Неотмщеная Сырникова немедленно вцепилась в Надежду.

– Почему это некоторым в палате прямо курорт и воздух свежий, а другие должны у двери лежать и мучиться? – громко вопрошала она.

Надежда, как всегда, отмалчивалась, но эта тактика сегодня явно себя не оправдывала, Сырникова набирала обороты и децибелы. Пришли послушать скандал из других палат, тем более что по телевизору ничего интересного в это время не показывали. Наконец Надежда плюнула, свернула свою постель и перенесла ее на кровать Сырниковой.

– Черт с вами! Лежите у окна, только пасть не разевайте!

Надежда Николаевна всегда считала себя интеллигентной, воспитанной женщиной, но также знала, что если ее как следует разозлить, то реакция может быть непредсказуемой. Так и сейчас, она в сердцах пожелала Сырниковой провалиться, правда, не вслух, а про себя.

* * *

Как только Алиса вошла в квартиру и дверь захлопнулась за ней, в спину между лопатками воткнулся холодный металл, который не мог быть ничем, кроме револьверного дула, и спокойный, чуть насмешливый голос произнес:

– Здравствуйте, Алиса! По-моему, нам с вами пора познакомиться.

Алиса мгновенно крутанулась вокруг своей оси, рубанув ладонью воздух в том месте, где, по ее расчетам, должен был находиться нападающий. Она не боялась, что он выстрелит: наверняка это не входило в его планы. Он не стал бы убивать ее, не выяснив, что ей известно, и не получив то, что у нее есть.

Однако ее сильный профессиональный удар не нашел противника, который ловко уклонился в сторону, так что Алиса на долю секунды утратила равновесие.

Впрочем, она тут же, перенеся вес тела на правую ногу, нанесла ему свой коронный удар левой ногой в голову... точнее, только попыталась нанести, потому что этот неуловимый человек снова успел ускользнуть и стоял в боевой стойке чуть в стороне, едва заметно улыбаясь уголками губ.

Алиса наконец смогла разглядеть его: это был довольно высокий мужчина лет сорока, подтянутый и спортивный. Теперь, видя его перед собой, она бросилась в атаку, попытавшись попасть ногой в солнечное сплетение. Но этот мерзавец, похоже, просто играл с ней, как кот с мышью: он снова ускользнул от удара и стоял в сторонке, невозмутимо ухмыляясь. Алиса страшно разозлилась от чувства собственного бессилия.

Хотя ее тренер по кун-фу, старый китаец Джоу Фань, тысячу раз повторял ей, что эмоции в поединке недопустимы и тот, кто разозлился, уже проиграл бой, но она ничего не могла с собой поделать: наглая усмешка противника привела ее в бешенство.

Алиса бросилась на него, намереваясь выбить ударом ноги колено и одновременно попасть ногой в ключицу, но противник опять легко выскользнул из-под удара и, мгновенным движением перехватив ее руку, провел простейший болевой прием.

Алиса осознала, что в совершенно беспомощном состоянии лежит на ковре с рукой, заломленной за спину. Противник ловко перехватил вторую руку, и еще через мгновение Алиса была связана обыкновенным лейкопластырем по рукам и ногам так профессионально, что ни о каких попытках сопротивления не могло быть и речи.

Мужчина легко, как перышко, поднял ее с ковра и усадил в глубокое кресло посреди комнаты. Сам он сел напротив и все с той же нагой и невозмутимой усмешкой уставился на нее.

– Да, Алиса, должен признать, что вы в неплохой форме, но тренироваться нужно больше. Против тупых бандитов, с которыми вы имели дело сегодня утром, вашего кун-фу вполне достаточно, но с профессионалами лучше не сталкиваться.

– Откуда вы знаете про бандитов? – задала Алиса довольно дурацкий вопрос, когда наконец отдышалась.

– Знать – это моя профессия, – ответил наглец, не переставая ухмыляться. – Я много чего знаю, и не только про бандитов, но и про вашего покойного друга Аркадия Ильича Загрязского.

При упоминании этого имени Алиса дернулась, как от удара.

– Я знаю о цели его встречи с уголовным авторитетом Кабанычем... Знаю, что вы тоже были на этой встрече, хотя и находились в сторонке. Ах, Алиса Дмитриевна, какое падение! Загрязский – и Кабаныч!

Имечко-то какое! Не противно ли было вашему утонченному и аристократичному возлюбленному общаться с таким подонком? Хотя о падении в этом случае говорить не прихо-

дится: Аркадий Ильич и так уже пал дальше некуда. Я уж не говорю о том, что он собирался продать чертежи сверхсовременного военного самолета японцам – поправьте меня, Алиса Дмитриевна, если я ошибаюсь, – но это сейчас, кажется, и за преступление не считается, так он еще и отравил своего непосредственного шефа, Посташева...

– Врешь! – воскликнула Алиса. – Посташев умер от инфаркта, я медицинское заключение видела.

– Ах, Алиса Дмитриевна, – мужчина закатил глаза в притворном изумлении, – 4– просто не ожидал в вашем возрасте подобной наивности! Хотя, конечно, любовь слепа, и вы не хотите замечать в своем возлюбленном – пусть даже и покойном – никаких недостатков... Однако я позволю себе вкратце напомнить обстоятельства смерти Посташева. Вы знаете, что они с Аркадием Ильичом обедали в ресторане «Луна», потом поехали на машине с шофером, поскольку оба слегка выпили, и Посташеву в дороге стало плохо с сердцем. Пока доехали до больницы, пока подняли Сергея Ивановича в реанимацию, он уже умер, и реаниматоры оказались бессильны. Никому, конечно, не пришли в голову дурные мысли – клиническая картина вполне соответствовала обширному инфаркту. Никому, кроме меня. У меня, Алиса Дмитриевна, голова так устроена, что я всегда и обо всех думаю плохо. Так вот, я не поленился и послал одного из своих мальчиков в ресторан «Луна». Он успел перехватить посуду с того столика, за которым обедали Посташев с Загряжским, до того, как ее вымыли. И как вы думаете, дорогая моя, что обнаружилось на стенках одного из бокалов? Ни за что не догадаетесь! Едва заметные следы редкого алкалоида – то есть яда растительного происхождения. Этот алкалоид очень пагубно действует на человеческий организм, вызывая обширнейший инфаркт миокарда. Что и имело место в случае с Сергеем Ивановичем Посташевым.

– С чего вы взяли, – недоверчиво проговорила Алиса, – что его отравил именно Аркадий? Это мог сделать кто угодно.

– Ну, насчет того, что кто угодно – это вы зря!

Вряд ли на Посташева так рассердился официант, что решил отравить его, допустим, за слишком маленькие чаевые. А кроме официанта и вашего друга Загряжского, никто не мог подсыпать яд в бокал... Но тут, видите ли, имеется еще одно очень любопытное совпадение. За три дня до рокового обеда Аркадий Ильич имел встречу с неким сотрудником Ботанического института. Надо сказать, ваш друг до этого дня не очень интересовался ботаникой и не собирал гербариев.

А тут вдруг такая необычная встреча. Особенно интересная, если учесть, что этот ботаник – фамилия его Маслобойников, но это неважно – занимается изучением растительных ядов. И, что самое интересное, в нашем городе его лаборатория – единственное место, где можно найти тот алкалоид, от которого скончался несчастный Сергей Иванович...

– Что же вы со своими наблюдениями не обратились в милицию? – саркастически осведомилась Алиса.

– А зачем? – Мужчина пожал плечами. – Чтобы Аркадий Ильич понес заслуженное наказание? Так он его понес и без милиции. Причем наказание было более быстрым и более суровым.

– Не вы ли организовали это наказание?! – воскликнула Алиса, пораженная внезапной догадкой. – Не вы ли подослали в ресторан киллершу?

Заметив, что ее собеседник не возражает против этого обвинения, девушка, откинув голову на спинку кресла, криво усмехнулась:

– Bravo, bravo! Надо полагать, сейчас вы станете внушать мне, будто устроили стрельбу в ресторане, чтобы предотвратить продажу самолета за рубеж...

– Именно так. – Мужчина кивнул. – Я предотвратил продажу самолета японцам.

– Как вас зовут? – спросила Алиса, неожиданно сменив тему разговора. – Мы с вами разговариваем в странной манере. Вы обращаетесь ко мне по имени, а я лишена такой возможности...

– Какая вам разница? – отмахнулся мужчина. – Ну, допустим, меня зовут Алекс... Фамилия Антонов...

Хотя, моя дорогая, вам вовсе незачем узнавать меня близко. Мы с вами не будем, так сказать, дружить домами...

– Не будем, – согласилась Алиса, – моя бы воля – век бы вас не видела. Кстати, что вы делаете в мой квартире?

– Я пришел повидаться с вами, девочка моя, потому что вы мне симпатичны. Скажу больше, мне вас стало немножко жалко. Вы такая красивая и юная... а вот ведь, попали в лапы этого пройдохи Загряжского...

Подумать только – продать чертежи японцам! Неужели вы думаете, что у Загряжского был шанс это сделать? Неужели вы думаете, что мы бы это допустили?

– Кто это – вы? – немедленно спросила Алиса. – Кого вы в данный момент представляете? ФСБ, внешнюю разведку, милицию, наконец? Или же уголовный розыск?

– При чем здесь уголовный розыск? – удивился Алекс.

– Уголовный розыск как раз здесь очень при чем, потому что убийство моего... Аркадия Загряжского, а также этого мафиози Кабаныча и двух его телохранителей имело место. Это неоспоримый факт. Таким же фактом является и то, что по убийству заведено уголовное дело. Вот вам и уголовный розыск. Так что если вы представляете эту организацию, то вызывайте меня повесткой как свидетеля. Но что-то я сомневаюсь, что вы имеете отношение к государственным структурам. Особенно после ваших разглаговольствований о казни Загряжского во имя благого дела... Так что хватит ваньку валять, папаша! – грубо заорала вдруг Алиса. – Говори, чего нужно, а не то мне некогда, устала я сегодня ночью...

Лицо Алекса перекошилось от злобы, под кожей заходили желваки. Справившись с эмоциями, он заговорил, но совершенно другим тоном, чем прежде:

– Ну что ж, так даже лучше. Все точки над «i» расставлены, мы кое-что знаем друг о друге. Это хорошо, что между нами установились простые деловые отношения. Ты у меня в руках, и единственный твой шанс на спасение – это сотрудничество со мной.

– Чего же, интересно, вы от меня хотите?

– Ты знаешь, где Загряжский спрятал комплект документации. Если отдашь мне эти документы – останешься в живых и даже получишь кое-какие деньги, если не отдашь – мои ребята заживо утопят тебя в городской канализации. Думаю, тебе, как женщине с большими запросами, такая смерть очень не понравится.

– Ошибаетесь, Алекс, или как вас там, – проговорила Алиса с едва сдерживаемой ненавистью.

– В чем это, интересно, я ошибаюсь? – Брови ее собеседника полезли вверх.

– В том, что между нами чисто деловые отношения. Вы убили человека, которого я любила... И после этого думаете, что я захочу с вами сотрудничать? Вы не знаете женщин, хоть и хвастались, что знаете все!

– Так что же, дорогуша, ты предпочитаешь смерть в сточных водах? Что ж, очень романтично!

– Не бери меня на понт, старая сволочь! – Голос Алисы поднялся до резкого визга. – Не убьешь ты меня! Тебе нужны чертежи «Серебряного сокола», а без меня ты их шиш получишь! Интересно, почему ты убил Аркадия? Ведь сначала ты должен был получить документацию? На что ты рассчитывал?

– Твой сердечный дружок обманул меня. – Алекс заговорил гораздо тише, в его голосе звучало явное неудовольствие и стыд за допущенную ошибку. – Он подсунул мне липовые документы...

Алиса расхохоталась:

– Аркадий держал в своем секретном сейфе комплект фальшивых чертежей на случай взлома. Никто тебя не обманывал, ты просто украл эту фальшивку и вообразил, что «Серебряный сокол» у тебя в руках.

Тебе и в голову не пришло, насколько Аркадий был предусмотрителен!

– Незачем сейчас вспоминать мои прежние ошибки! – Алекс оборвал Алису. – Сейчас мы в другом положении. Ты у меня в руках, и я узнаю от тебя все, что захочу. Ты прекрасно знаешь о существовании препаратов, которые кому угодно развяжут язык.

Он вытащил из кармана маленькую коробочку, открыл и показал Алисе. Там лежало несколько ампул разного размера.

– Вот сейчас, – Алекс снова запустил руку в карман и вытащил оттуда одноразовый шприц в упаковке, – я вколю тебе один препаратик, потом мы подождем минут двадцать, а дальше мне останется только задавать наводящие вопросы – слова польются из тебя весенним бушующим потоком. Но должен тебя предупредить: это лекарство раздражающе действует на психику. После того как я узнаю все, что нужно, я просто уйду, вколов предварительно тебе еще дозу. Ты будешь валяться здесь, пока не откинешь копыта, и орать про себя такое...

Алиса вздрогнула, и мерзавец это заметил.

– А чтобы никто из соседей не услышал ничего подозрительного, я сделаю вот что, – Антонов нажал на кнопку телевизионного пульта, и в комнате заиграла веселенькая музыка – Чип и Дейл спешили на помощь, только не к Алисе.

Алиса закрыла глаза. Нетрудно догадаться, что Алекс представляет, так сказать, конкурирующую фирму. Интересно, кому он собирается продать чертежи самолета? Хочет чужими руками жар загребать...

Однако он очень много знает, скорее всего, сговорился с подлецом Посташевым за спиной Загряжского.

Но Аркадий был очень умен, он успел раньше, вот только сам не уберется... Так или иначе, этот мерзавец прав в одном: при желании он вытянет из нее все, что угодно. В его руках весь арсенал современных средств дознания. Нужно бежать, бежать любой ценой... А как от него сбежишь? Он профессионал, не чета тупым бандитам Духа, его не обманешь простыми женскими приемами. Правда, сейчас она у себя дома, а дома, говорят, и стены помогают. Тем более что Алиса подготовила много маленьких сюрпризов для разных незваных гостей, от квартирных воров до конкурентов по промышленному шпионажу.

Алиса открыла глаза и безжизненным голосом человека, утратившего надежду, сказала:

– Ваша взяла. У меня аллергия на многие лекарственные препараты, могу умереть, если вы по незнанию вколете мне аллерген. Вы, конечно, ничего тогда не узнаете, но мне-то от этого не легче... Вы профессионал, с вами бороться бесполезно. Я передам вам все, что у меня есть, всю информацию. Но я... я хотела бы получить какие-то гарантии. Гарантии того, что вы меня после этого не убьете. Кроме того, вы говорили о деньгах... Сейчас, после смерти Аркадия, я осталась без средств, и «Серебряный сокол» – моя единственная надежда...

– Я могу дать вам слово! – высокомерно произнес Алекс. – Слово офицера и разведчика! Надеюсь, этого вам достаточно?

– Слово офицера – это, конечно, замечательно, – Алиса усмехнулась одними уголками губ, – но слово разведчика... разведчику так часто приходится надевать самые разные маски, что он обычно уже не помнит, кто он такой на самом деле и от чьего имени дает слово. Кроме того, сама специфика работы заставляет его очень часто давать слово и тут же брать

его обратно... К тому же что-то подсказывает мне, что вы можете дать слово только бывшего разведчика, не так ли? Нет, я предпочла бы что-то более существенное.

– Не знаю, что я могу вам предложить, какие еще гарантии! – Алекс недовольно пожал плечами.

– Зато я знаю. – Алиса подалась вперед, насколько позволяли путы. – У вас ведь есть, конечно, счет, с которого вы можете перечислять деньги, нужные вам по ходу поиска документов?

– Ну, допустим, есть, – неохотно согласился Алекс.

– Тогда переведите сейчас с моего домашнего компьютера сумму, которую я вам назову, на мой личный счет.

– Очень мило! – возмутился незваный гость. – Вы мне пока ничего не передали, может быть, то, что я от вас узнаю, совершенно ничего не стоит, а я уже переведу вам деньги?

– Хорошо, вы можете подготовить перевод, но не отправлять его, пока не убедитесь, что я вам дала именно то, что вы хотели. Конечно, это тоже абсолютно ничего мне не гарантирует, ведь вы, получив информацию, преспокойно можете отменить перевод...

Успокоенный последним соображением, Алекс задал еще один вопрос:

– О какой сумме мы говорим?

– Вы перечислите мне триста тысяч долларов.

– Что?! – Мужчина расхохотался. – Триста тысяч неизвестно за что? За какую-то сомнительную информацию?

– Эта информация стоит гораздо дороже, – холодно ответила Алиса. – Наверняка за документацию «Серебряного сокола» какие-нибудь арабы заплатят вам десятки миллионов...

– Не забывайте, что вы у меня в руках, так что не вам ставить условия! – Алекс склонился над связанной девушкой и потряс перед ее лицом кулаком. – Да, кроме всего прочего, у меня и нет сейчас таких денег.

Большие деньги появятся только после продажи самолета, вот тогда я могу обещать вам такую сумму...

– Если я доживу до этой раздачи слонов, – усмехнулась Алиса. – Нет, я предпочитаю деньги сегодня. —

Какую сумму вы могли бы мне сейчас перевести?

– Не больше пятидесяти тысяч, – отрезал Алекс.

– Джентльмен не должен быть скрягой! Сойдемся на ста тысячах. Пятьдесят – это мне только сегодня на булавки, а еще нужны кое-какие накопления на старость...

– До старости вы с таким характером не доживете!

Семьдесят – и ни цента больше...

– Черт с вами! – Алиса кивнула. – Готовьте перевод. Только передвиньте мое кресло так, чтобы я видела, что вы там будете печатать.

Она готова была поклясться, что ее гость, хоть он и производил впечатление очень осведомленного и серьезного человека, не собирается переводить ей не то что пятьдесят тысяч долларов, от него и пяти баксов-то не дождешься. И дело тут вовсе не в его жадности, хотя таковая тоже имеется. Просто он не должен оставлять свидетелей. Он ни в ком не уверен – даже в своих помощниках, иначе не пришел бы к ней один.

Алиса отлично понимает, что жива, только пока она не дала ему наводку на документы. Но ей сейчас нужно убедить Алекса, что она боится его, и это соответствует действительности. А еще пускай сработает стереотип: несомненно, он думает, что в их дуэте главную партию исполнял Аркадий Загряжский. А Алиса исполняла функции его помощника, любовницы и телохранителя. А от любовницы и телохранителя не ждут особого ума. Так-то оно так, но вот Аркадия нет в живых, а она, Алиса, пока что в добром здравии. И что самое главное: у нее есть ключ к документам, а значит, к большим деньгам...

Алекс развернул кресло к письменному столу и включил компьютер. Выйдя в Интернет, он связался со своим банком, подготовил распоряжение о перечислении денег на счет, который назвала ему Алиса, ввел электронную подпись, заслонив на это время клавиатуру, и наконец повернулся к Алисе:

– Ну, перевод подготовлен, вы довольны?

– Если бы сумма была в четыре раза больше... ну ладно, старый скупердяй, я сдаюсь.

Подойдите к книжному шкафу.

Алекс прошел на указанное Алисой место и вопросительно взглянул на нее.

– Снимите все тома энциклопедии с третьей полки сверху.

Он снял книги с полки. Перед ним открылась дверца сейфа.

– Теперь набирайте код, внимательно, я буду диктовать.

Алекс кивнул и начал вращать ручку.

– Четыре, – медленно диктовала Алиса, – девять... шесть... один... восемь... пять... три...

Назвав последнюю цифру, она инстинктивно задержала дыхание, хотя ее кресло стояло достаточно далеко от сейфа. Алекс повернул ручку, и в лицо ему ударила струя остро пахнущей жидкости. Уже теряя сознание, он с горечью подумал, как легко эта хитрая девка обвела вокруг пальца его, матерого профессионала... Задурила ему голову деньгами, препирательством из-за суммы, которую он в любом случае не собирался ей переводить, и он пропустил простейшую ловушку, в которую стыдно попасться курсанту школы милиции, а не то что ветерану разведки...

Алекс тяжело грохнулся на пол. Алиса огляделась.

В ее распоряжении было около получаса – на такое время отключала человека жидкость, которой она зарядила вмонтированный в сейф пульверизатор, срабатывавший при наборе неверного кода. Следовало поторопиться.

Она наклонилась и сильным толчком выбросила свое тело из кресла. Встав на связанные ноги, Алиса запрыгала по комнате. Со стороны это выглядело смешно, как послевоенный советский аттракцион «бег в мешках», но со стороны на Алису никто не смотрел, а самой ей было не до смеха.

Допрыгав до горки с посудой, Алиса плечом разбила стеклянную дверцу и прижала связанные руки к торчащему из рамы острому осколку. Мучительными, болезненными движениями она перепилила обхватывающий запястья лейкопластырь и вздохнула с облегчением: руки были свободны. Дальнейшее освобождение заняло меньше минуты.

Покосившись на Алекса, который пока не подавал признаков жизни, Алиса подошла к окну и осторожно выглянула из-за занавески. Под окном, как она и ожидала, стояла неприметная бежевая «девятка», в которой наверняка дежурили двое ребят Алекса. Алиса знала стандартную схему, по которой проводились такие операции: двое в машине под окном, двое на лестнице – они пропустили хозяйку в квартиру, а теперь контролируют площадку и не дадут ей выйти без команды шефа. В квартиру должны были войти тоже двое, но Алекс не захотел посвящать никого из своих людей в тайну «Серебряного сокола» и понадеялся на собственные силы. Это его и подвело. Интересно все же, кто он такой? И кому хотел сплавить чертежи?

Впрочем, это уже неважно, раз он лежит здесь без сознания, а она свободна.

Однако положение Алисы продолжало оставаться достаточно сложным. Она обезвредила Антонова, развязала руки и ноги, но выйти из хорошо охраняемой квартиры было непросто. Отлично натренированные оперативники и муху не пропустят.

Время поджимало. Алиса оглядывалась, лихорадочно думая, чем можно отвлечь внимание оперативников. Неожиданно взгляд ее остановился на экране все еще работающего телевизора. Миловидная ведущая сообщала:

– Продолжается визит в нашу страну короля Иордании Абдаллы. Сегодня король посетит Санкт-Петербург. В программу посещения входит...

Решение созрело мгновенно. Алиса схватила телефонную трубку, набрала номер милиции и взволнованным, задыхающимся голосом затараторила:

– У нас под окном уже несколько часов стоит подозрительная машина... Мотор не глушат, из машины не выходят... Двое таких стриженных... Натуральные бандиты! Я боюсь, они что-то замышляют!

– Какой адрес? – скучающим голосом осведомилась дежурная, которой уже надоели звонки домохозяек, после многочисленных терактов подозревающих в каждом незнакомом брюнете чеченского боевика.

– Седьмая Красноармейская, дом три! – выложила Алиса свой козырь.

– Как? Повторите адрес! – Дежурная мгновенно насторожилась, на что Алиса и рассчитывала. – Ваш номер телефона?

Алиса со спокойной душой назвала номер своей соседки по лестничной площадке, не в меру наблюдательной пенсионерки, зная, что на ее допотопной АТС аппаратура определения номера не срабатывает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.